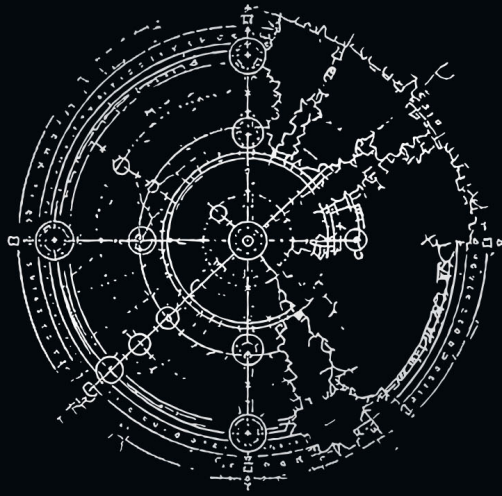
Архитектура Печати

ДОРОГА НА ЮГ

КНИГА ПЕРВАЯ

АЛЕКСАНДР КОЧНЕВ

Москва 2026

Александр Кочнев

Архитектура Печати. Книга 1. Дорога на юг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74788776
Архитектура Печати. Дорога на юг. Книга первая:
ISBN 978-5-00289-425-3

Содержание

Глава 1. Тело помнит 5
Глава 2. Дорога на юг 53
Глава 3. После битвы 95
Глава 4 127
Конец ознакомительного фрагмента. 149

Александр Кочнев
Архитектура Печати
Дорога на юг
Книга первая

© Александр Кочнев, 2026

Глава 1. Тело помнит

Мир звенел.

Глухой, тягучий звон жил внутри черепа, будто огромный колокол ударил где-то совсем рядом, а звук заблудился под костью и теперь не мог найти выход.

Авелин распахнула глаза.

Над ней теснились чёрные мокрые ветви. С кончиков листьев падали тяжёлые капли; одна разбилась о висок и холодной дорожкой ушла в волосы. Воздух пах озоном, мокрой корой и палёной травой – так пахнет место, над которым недавно прошла гроза или случилось что-то, очень на неё похожее.

Земля под щекой была ледяной. Во рту – металлический привкус. Кожа цела. Одежда тоже: ни разрыва, ни подпалины, ни крови. А внутри оставалось ощущение, будто её протащили сквозь бурю, вывернули наизнанку и выбросили сюда без единого объяснения.

Имя.

Только имя.

Авелин.

За ним – ничего.

Авелин закрыла глаза и попробовала отыскать хоть что-нибудь ещё.

Имя у неё уже было. Но оно лежало в памяти отдельно

от всего остального – без дома, без лица, без голоса, который когда-то звал её так. Она мысленно потянулась назад и встретила гладкую стену. Ни щели, ни двери, ни даже уверенности, что за ней действительно что-то существует.

При этом мир вокруг не был чужим.

Она знала, что мокрые листья пахнут сильнее сухих. Знала, как отличить север по мху, как проверить воду, как долго человек проживёт без пищи и сколько – без тепла. В памяти лежали названия стран, металлов, трав, устройство замка и правила обращения к дворянину. Всё аккуратно стояло на своих местах.

Кроме неё самой.

Будто неизвестный грабитель вынес из огромной библиотеки одну-единственную книгу – ту, на корешке которой было написано её имя, – и оставил нетронутыми все остальные.

От этого становилось страшнее. При полном неведении можно было бы считать себя новорождённой. Но Авелин не была пустой. Пустота имела точную форму.

Форму человека, которого здесь больше не было.

Попытка вдохнуть глубже отозвалась тянущей болью под рёбрами. Пришлось сесть, уцепившись ладонью за скользкий ствол, и подождать, пока лес перестанет качаться. Звон немного отступил. Всего на шаг. Стоило повернуть голову резче – в виски снова ударило, перед глазами брызнули искры.

Тёмные силуэты в плащах.

Каменная стена с выжженными рунами.

Чья-то ладонь на лбу – холодная, пахнущая железом.

«Ты…»

Шёпот оборвался прежде, чем сложился в слово.

Пустота вернулась, гладкая и бескрайняя.

Подняться удалось не сразу, но не из-за слабости. Сознание ожидало неловкости, дрожи, неверного шага. Тело ответило иначе: пальцы уверенно нашли шероховатость коры, ступни встали мягко, колени сами погасили качнувшуюся землю. Ни одного лишнего движения.

Это насторожило сильнее боли.

Она сделала ещё шаг – нарочно неловкий, поставив ступню на мокрый корень. Колено мягко ушло в сторону, корпус выровнялся, ладонь легла на ствол прежде, чем сознание успело испугаться падения.

Авелин повторила движение.

Тот же безупречный ответ.

Тело не просто умело ходить. Оно ожидало подвоха от каждого клочка земли, держало вес так, чтобы в любой миг изменить направление, и не оставляло обе руки занятыми одновременно. Даже стоя среди мокрых деревьев без единого врага, она занимала место так, будто вокруг могла начаться драка.

– Ну что ж, – пробормотала Авелин.

Собственный голос прозвучал ровно. Чуть ниже, чем ожидалось, без дрожи. Голос женщины, которая привыкла скры-

вать неуверенность достаточно хорошо, чтобы иногда обманывать саму себя.

На ней были добротные сапоги, плотные штаны, широкий кожаный пояс с петлями и ножнами, лёгкий нагрудник и дорожный плащ. Всё сидело точно по фигуре, нигде не тянуло и не мешало. Для случайной путницы одежда была слишком хороша: дорогая кожа, ровные швы, продуманное расположение застёжек.

Будто каждый ремень подгоняли именно под неё.

Желудок сжался в тугой узел.

Голод, по крайней мере, не таился и не задавал загадок.

Лес шевелился на ветру, но шелест листвы доносился словно издалека, сквозь толстую стену. Где-то капала вода. Скрипело дерево. Под корнями тихо возилась мелкая жизнь.

И ещё – короткий шорох в сухой траве справа. Пауза. Снова шорох.

Мелкое движение. Неровное.

Заяц.

Уверенность пришла раньше мысли.

Пальцы сами сложились в жест. В воздухе натянулось нечто похожее на тонкую прохладную струну. Губы едва шевельнулись – не произнесли слово, а будто обозначили порядок: форма, вектор, укол.

Бледные линии вспыхнули на миг между ладонью и темнотой, сошлись в простейшую Печать.

Щёлк.

Невидимая игла сорвалась с руки почти без звука. На прогалине дёрнулся серый комок и сразу обмяк, словно кто-то одним движением выдернул из него нить, на которой держалась жизнь.

Тишина вернулась.

Авелин ждала, что за ней последует что-нибудь ещё: вспышка жара, слабость, головокружение, хотя бы учащённое дыхание. Магия всегда требовала источника – это знание лежало в памяти рядом с десятками других очевидностей. Но внутри она не ощутила никакой убыли. Сил не стало меньше, колени не дрогнули.

Магия просто случилась. Мгновенно. Без длинной формулы и накопителя – будто внешний поток уже был подведён и ждал команды. Это было неправильно.

Она знала достаточно о магии, чтобы понимать невозможность увиденного, и недостаточно о себе, чтобы объяснить её.

На прогалине лежал маленький серый зверь, убитый движением, которое показалось легче вздоха.

Между этими двумя фактами – голодом и смертью – не осталось ни усилия, ни выбора.

Именно это пугало.

Авелин смотрела на поднятую ладонь. Между пальцами ещё покалывало, а воздух снова пах озоном – слабее, чем на месте пробуждения, но узнаваемо.

«Это сделала я?»

Мысль прозвучала чужим голосом.

Тело ответило ровным спокойствием. Да. Простая Печать-стрела. Лёгкая конструкция. Минимальная нагрузка. Ничего особенного.

Откуда взялось это знание, пустота объяснять отказалась.

Заяц ещё хранил тепло. Кровь быстро нагрела ладонь, просочившись сквозь шерсть.

– Прости, – тихо сказала Авелин.

Кому именно – зверю, лесу или себе, – осталось неясным.

Ручей нашёлся через полчаса, под корнями старого дерева, выгнувшимися над водой, словно костлявые пальцы. Поток был узким, прозрачным; по дну перекатывался светлый песок, между камнями дрожали ниточки водорослей.

Холод обжёг ладони. Вода оказалась чистой, с привкусом камня и талого снега. Несколько глотков смыли металлическую горечь изо рта, но не звон из головы.

Наклонившись снова, Авелин увидела в воде чужое лицо.

Отражение дрожало вместе с течением, однако даже вода не могла сделать его обычным. Слишком правильные черты. Чёрные волосы, влажными прядями прилипшие к вискам. Яркие зелёные глаза. Мягкая линия губ и резкие скулы – словно художник начал писать женщину, а закончил оружием.

Она осторожно коснулась скулы. Отражение повторило движение с ничтожным запозданием воды. Кожа была холодной, настоящей. Под пальцами чувствовалась кость. Ника-

кой маски.

Лицо могло принадлежать преступнице. Военной. Дочери человека, который заплатил за лучшую одежду и худших учителей. Любая догадка подходила ровно до тех пор, пока не требовала доказательств. Авелин знала только одно: такое лицо запоминают.

Из горла вырвался короткий смешок без веселья. Ладони плеснули водой в отражение. Оно рассыпалось кругами, но через несколько мгновений собралось снова – упрямо чужое. Если кто-то искал её, капюшон не поможет.

Виски отпустило ровно на два вдоха. Затем звон нахлынул с новой силой. Перед глазами всплыли тонкие линии рун, складывающиеся в кольцо. Поперёк рисунка легла чёрная полоса – не чернила, не тень, а что-то чужое, режущее саму структуру. Полоса хлестнула навстречу.

Авелин дёрнулась. Вода пролилась по подбородку и за ворот.

– Хватит, – одними губами сказала она тому, кто, возможно, оставался внутри памяти.

Лес ответил тишиной.

Под небольшим обрывом нашлось сухое место, укрытое от ветра. Ветви там лежали вперемешку с прошлогодней хвоей; сырость добралась не до всего. Светлый костёр разводить не хотелось. Огонь посреди леса – приглашение, написанное дымом.

На ладони вспыхнул приглушённый уголёк. Не пламя –

только густое красное свечение, запах нагретой смолы и тонкая струйка дыма. Сухая хвоя занялась нехотя, затем огонёк вцепился в ветки и разгорелся – маленький, низкий, упрямый.

Нож сам лёг в руку правильным хватом.

Разделка заняла меньше времени, чем должна была занять у человека, не помнящего собственной жизни. Пальцы знали, где надрезать, как оттянуть шкуру, чтобы не порвать, как пройти лезвием вдоль сустава. Ни лишнего движения, ни испорченного мяса.

Авелин наблюдала за собственными руками почти со стороны. Они работали спокойно, уверенно и буднично.

Мясо, насаженное на очищенный прут, медленно темнело над жаром. Запах был простой и честный: дым, жир, лес. Ни соли, ни трав – только тепло, которое можно проглотить. Ела небольшими кусками, не торопясь. Голод требовал быстрее, но желудок после неизвестно скольких часов пустоты мог отомстить за спешку.

Кости ушли в огонь. Угли – под слой золы, чтобы не тянуло запахом. Шкурка получилась ровной, без дыр и лишних порезов. Работа опытного охотника или мясника.

Ещё один навык, у которого не было прошлого.

Свернув шкурку мехом внутрь, Авелин убрала её в сумку. Пригодится. Эта мысль тоже пришла без колебаний.

Затем на плаще, возле огня, появилось всё имущество.

Стилет – узкий, из хорошей стали. Рукоять потёрта имен-

но там, где её обхватывали пальцы. Ножны сидели под правильным углом: достать можно одним движением, не зацепив плащ.

Рабочий инструмент, а не украшение.

Кинжал – немного длиннее, с простой гардой, на другом боку. Тоже без чеканки и драгоценных камней. Вещь, которую покупают не ради чужих взглядов.

На поясе пустовала широкая петля под меч. Кожа на внутренней стороне потемнела и истёрлась. Значит, клинок носили долго. Значит, меч был – и исчез совсем недавно.

Пальцы задержались на пустом месте.

Потеряла? Забрали? Оставила сама?

Ответа не было.

Следующим оказался стальной диск, чуть меньше ладони. По ободу – четыре стороны света, в центре – тёмный сапфир. Фигурная стрелка застыла у одной из рисок.

Авелин повернула диск. Потом ещё раз. Стрелка не шевельнулась, сапфир остался холодным. Сейчас вещь не работала ни как компас, ни как маяк. Чем она была на самом деле, память объяснять отказалась.

Монет оказалось пять серебряных и двадцать восемь медных. Пересчитав дважды, Авелин пришла к тому же выводу: несколько спокойных дней или неделя очень скромной жизни. Если мир вокруг вообще позволял жить спокойно.

Вещи вернулись на свои места. Огонь осел, оставляя под золой красные прожилки.

И тогда руки начали новый ритуал.

Три коротких жеста по периметру стоянки. Пауза. Ещё один – ниже, почти у земли. Воздух едва слышно отозвался, словно кто-то тронул натянутую струну и сразу заглушил звук ладонью.

Печать встала.

Тихая охранная конструкция: заметить приближение, предупредить, по возможности отвести. Смысл был понятен так же естественно, как назначение ножа, хотя ни одного воспоминания о том, кто и когда научил её этому, не осталось.

Пальцы уже лежали на коленях – спокойные, расслабленные, будто ничего не делали.

– Значит, так, – пробормотала Авелин.

Лес снова промолчал.

Плащ заменил одеяло. Корни – изголовье. Сон пришёл быстро, почти грубо: не спросил разрешения, просто выключил усталое сознание.

Ночью что-то подошло.

Сначала изменилась тишина. Лес не замолчал – он будто перестал дышать в одну сторону. Затем появился звук: мягкий, влажный, тяжёлый. Нечто переставляло ноги осторожно, пробуя землю перед каждым шагом.

Печать почувствовала гостя раньше хозяйки.

Натянулась невидимая струна. Дрожь прошла по границе стоянки – и мягко отвела приближающееся существо в сторону. Не отпугнула, не ударила. Именно отвела, как ладонь

отводит занавеску, освобождая проход.

Шаги замерли.

Долгая пауза. В ней угадывалось внимание – тяжёлое, терпеливое, почти разумное.

Потом существо ушло. Неторопливо. Без обиды. Влажные шаги растворились среди деревьев.

Авелин не проснулась.

Тело знало: угроза миновала. Тратить сознание незачем.

Утро оказалось серым и холодным. От костра остался круг золы. Воздух пах мокрой землёй; с ветвей срывались редкие капли, хотя дождя не было.

Пробуждение пришло сразу, без сонной путаницы. Взгляд обошёл стоянку, слух проверил лес. Птиц по-прежнему не слышно. Возможно, они ушли отсюда. Возможно, научились молчать.

Три жеста в обратном порядке сняли охранную Печать. Щелчок – и натянутость воздуха исчезла.

В трёх шагах от лежанки темнели следы.

Широкие. Глубокие. Четыре пальца с длинными когтями. Неизвестный зверь обошёл место сна по аккуратной дуге, ни разу не переступив невидимую границу, а затем вернулся в лес.

Авелин присела возле ближайшего отпечатка. В него свободно поместилась бы ладонь.

Печать сработала, пока хозяйка спала.

Она прошла вдоль дуги следов, сверяя глубину каждого

отпечатка. Существо подходило не один раз. Сначала осторожно, затем ближе. Останавливалось у самой границы, пробовало обойти, возвращалось. Охранная Печать не испугала его – убедила выбрать другое направление.

Авелин не помнила, как её создала, но узнала собственный почерк в решении.

Не ударить. Не шуметь. Не тратить силу понапрасну.

Мысль оказалась неожиданно важной.

– Хорошо, – сказала она тихо.

Неясно кому: себе, Печати или существу, которое согласилось уйти.

Сборы заняли считаные минуты. Стилет, кинжал, диск, монеты, шкурка. Пустая петля под меч по-прежнему цепляла взгляд, но сегодня ответа в ней было не больше, чем вчера.

Юг угадывался по светлеющему просвету между стволами. Туда Авелин и пошла. К вечеру лес выпустил её к стене.

Городок был невелик: низкий частокол, местами обитый потемневшим железом, башенки по углам – тесные, почти игрушечные. Над воротами трепался выцветший флаг; ткань давно потеряла первоначальный цвет, но продолжала выполнять службу из упрямства.

Перед открытым проходом стоял автоматон-страж.

Человекоподобный корпус с узкими плечами. Круглая грудь, закрытая латунной решёткой; за ней размеренно постукивал механизм, будто железное сердце не спало даже днём. Вместо лица – гладкая маска без глаз. На месте рта –

узкая щель, откуда тянуло холодом и машинным маслом.

Механика на страже человеческого порядка. Человек у будки зевал до тех пор, пока не поднял глаза. Зевок застрял на половине.

Страж выпрямился, одёрнул серую куртку и заговорил голосом человека, который тысячу раз повторял одну и ту же фразу:

– Стой. Откуда и зачем?

– С севера. Нужны еда и ночлег.

Взгляд перескочил на тёмную чащу за её спиной, затем вернулся к сапогам, оружию и дорожной сумке.

– Одна?

– Да.

Он задержал глаза на свёртке, торчавшем из-под клапана.

– Что несёшь?

Авелин развернула на прилавке будки заячью шкурку.

– Хотела продать. Здесь возьмут?

Страж перевернул мех изнанкой вверх. Провёл пальцем по чистому разрезу вдоль сустава, проверил края и вернул шкурку.

– Возьмут. Десять медных – нижняя цена. Отдашь дешевле – сама виновата.

– Спасибо.

Его работа на этом закончилась. Он махнул в сторону ворот.

– Держись центральных улиц. Комендантский час – через

два часа после заката.

– Где искать ночлег?

– Постоялый двор на площади обходи. До рынка, потом правее. Увидишь кривой переулок – не пугайся, он всегда такой. Там «У Кривого моста». Хозяин Бертон.

– Почему не на площади?

Страж покосился на будку, словно ответ мог испортить ему отношения с городской администрацией.

– На площади платишь за вывеску. У Бертона – за кровать и еду. И если ночью станет плохо, он сначала принесёт воду, а потом спросит про монеты. Для постоялого двора редкость.

– Понятно.

Он уже смотрел на следующего путника. За воротами городок раскрылся целиком. Первые шаги среди людей дались тяжелее всей дороги через лес.

Там угрозы были честными: скользкий склон, голод, ночной зверь. Здесь каждая дверь скрывала чужую жизнь, каждый взгляд мог оказаться узнаванием. Разговоры, запахи, движения сливались в плотную волну. После лесной тишины городок казался слишком громким, почти агрессивным.

Авелин заставила себя не замедляться.

Она знала, как входить в незнакомое место. Не держаться у стены – так ходят те, кому есть чего бояться. Не выбирать середину улицы – так идут либо глупцы, либо люди под охраной. Достаточно двигаться вместе с потоком, не подстраиваясь под него слишком заметно.

Снова готовое знание.

Снова никакого воспоминания о том, где оно понадобилось прежде.

В центре держался камень: неровная булыжная мостовая, несколько купеческих домов в два этажа, застеклённые окна, ратуша с часами. Стрелки на циферблате застыли на без четверти шесть – судя по ржавчине, ещё до нынешней войны. Чем дальше от площади, тем быстрее камень уступал дереву. Крыши проседали, стены кренились, лачуги жались к частоколу так тесно, будто искали у него защиты от ветра и людей.

Граница между теми, кто пережил войну с деньгами, и теми, кто просто пережил.

Рынок шумел на площади между двумя половинами города. Торговцы спорили через прилавки, звякали вёдра, визжала недовольная свинья. Пахло жареным луком, дёгтем, конским потом, речной рыбой и мокрой шерстью. Хромая собака обходила лужи с таким достоинством, словно площадь принадлежала ей по праву, а люди лишь временно мешали.

В людском потоке внимание цеплялось за неё то там, то здесь.

Явно отреагировали лишь несколько человек: один мужчина замедлил шаг, второй оборвал фразу, третий оглянулся уже после того, как прошёл мимо. Молодая женщина у ряда с тканями поджала губы и крепче взяла мужа под локоть. Девушка с корзиной посмотрела с откровенным восхищением, тут же смутилась и уткнулась в яблоки.

Капюшон лёг на голову привычным движением.

Лица по краям зрения размылись, но легче не стало: теперь каждый задержавшийся взгляд мог означать не только любопытство, но и узнавание.

По рынку шла не спеша, позволяя взгляду скользить по людям и вещам. Кто торгует. Кто только делает вид. Где стоят люди в форме. У какого прилавка слишком тихо разговаривают. Кто наблюдает за кошельками, а кто – за выходами с площади.

Ничего из этого не требовало усилия. Мир сам раскладывался на привычные признаки.

Откуда взялась привычка – другой вопрос.

На прилавках лежала рыба на сером льду, блестела мокрая репа, теснились корзины с яблоками. Рядом продавали связки лука, горшки с мёдом, куски кожи, гвозди, свечи и старые армейские пряжки, очищенные от чужой крови настолько тщательно, насколько позволяла совесть продавца.

Товара для военного городка было неожиданно много.

Лица, однако, не выглядели сытыми.

У крайнего прилавка стояла старуха – невысокая, крепкая, в тёмном платке. Лицо человека, пережившего три войны и давно уставшего удивляться четвёртой. Перед ней лежали меха, выделанная кожа, сушёные грибы, яблоки и несколько пучков трав, перевязанных грубой ниткой. Она не зазывала покупателей. Только смотрела, сразу отличая тех, кто пришёл платить, от тех, кто пришёл трогать товар гряз-

ными руками.

Торговка посмотрела иначе: взгляд прошёл по сапогам, поясу, ножнам и рукам – и только потом поднялся к лицу.

Коротко. Цепко.

Авелин остановилась у прилавка.

– Нездешняя, – сказала торговка.

Не вопрос. Установленный факт.

Авелин положила на прилавок свёрнутую заячью шкурку.

– Возьмёте? И что из еды свежее?

– Яблоки. Утром сняла. Два медных.

Старуха не торопилась. Развернула мех, провела пальцем по краю разреза, проверила изнанку. Там, где нож шёл вдоль сустава, не было ни надрыва, ни лишнего пореза.

Молчание затянулось. Потом мех лёг под прилавок, а из кошеля появились монеты.

– Двенадцать медных.

– Страж у ворот обещал не меньше десяти.

– Значит, не зря получает жалованье.

Авелин отсчитала два медных. Яблоко оказалось холодным, с небольшим тёмным пятном у черенка.

Авелин огляделась. Прилавки ломились, но продавцы следили не за товаром – за людьми в форме, иногда проходившими по площади.

– Богато для военного времени.

Старуха усмехнулась без веселья.

– Богато. Пока. Мы – северный узел. Вентурийские снаб-

женцы идут через нас к Глустону, обозы ночуют, склады за ратушей не успевают пустеть. Тарнистам сейчас нужен мост. Пока они бьются восточнее, до нас не дошли.

– А местным это выгодно?

– Местным? – Торговка фыркнула. – Военные забирают по своей цене, не по нашей. Что не забрали военные – унесут мародёры. Те хоть меняются иногда. Доспех с павшего на мешок муки. Или сведения продают: кто где лежит, чьё имя на бляхе. Родня платит, чтобы знать, к какой могиле ехать.

На миг взгляд старухи ушёл куда-то за плечо Авелин, туда, где за стенами начиналась дорога.

– Рынок богатый, – добавила она. – А жрём с огорода да из курятника. Всё остальное – война.

Авелин молчала. Торговка подняла глаза по-настоящему. Ни смущения, ни липкого интереса – одна спокойная оценка.

– Красота у тебя от дьявола, – сообщила она тем же тоном, каким могла бы сказать о скором дожде. – Даже под капюшоном не спрятать.

– Спасибо за комплимент.

– Разве это похвала?

Медленный кивок. Старуха улыбнулась грустной улыбкой. Из корзины появилось второе яблоко и легло рядом с первым.

Авелин посмотрела на него внимательнее, чем на полученные монеты.

Бесплатная вещь всегда имела цену. Услуга требовала ответа, подарок создавал долг, жалость иногда стоила дороже вражды. Она знала это совершенно точно.

Но старуха уже отвернулась и бранила мальчишку, решившего проверить пальцем мягкость сушёного гриба. Никакой скрытой просьбы. Никакого ожидания благодарности.

Просто яблоко.

Маленькая человеческая доброта оказалась сложнее мудрёной магии. Та хотя бы подчинялась порядку линий.

– За это денег не надо. И после темноты к красильням не сворачивай. Там сейчас мужичье ночует – ты не простая, вдов у нас и так с запасом.

Разговор был окончен. Торговка повернулась к новому покупателю, а Авелин убрала яблоки в сумку.

На соседнем ряду она купила мешочек соли, моток вощёной нити и две иглы. Двенадцать медных за шкурку не успели стать деньгами – сразу превратились в вещи, без которых дорога обычно вспоминает о себе в самый неудобный момент.

До нужного места пришлось пройти ещё две улицы. Один переулок действительно оказался кривым: дома по обеим сторонам словно медленно сползали друг к другу, оставляя между крышами узкую полоску серого неба.

Трактир «У Кривого моста» стоял на углу. Двухэтажный, тёмный от времени, с широкими лавками под стенами. На вывеске был нарисован мост, выгнутый так нелепо, что по

нему не прошла бы даже коза. Изнутри катился густой гул голосов, иногда прорезаемый смехом и стуком кружек.

Тяжёлая дверь поддалась не сразу.

Тепло ударило в лицо. На мгновение потемнело в глазах; пол качнулся, и показалось, будто падение продолжается – не вниз, а куда-то в сторону, туда, откуда она уже однажды выпала в мокрый лес.

Ладонь легла на дверной косяк. Два вдоха. Мир вернулся на место.

В трактире пахло элем, жареной курицей, потом, огнём и острыми травами. На мокрых плащах таял уличный холод. Скамьи стояли плотно, люди сидели плечом к плечу; кто-то ел, кто-то спорил, кто-то уже спал, положив голову на сложенные руки.

У двери на миг сбились два ближайших разговора. Один мужчина застыл с ложкой у рта; другой повернулся слишком резко и толкнул соседа локтем. Потом шум вернулся – чуть громче прежнего, словно люди старательно доказывали, что ничего не заметили.

За стойкой стоял Бертон.

Первый взгляд был обычным, привычным. Второй задержался на лице, затем скользнул по доспеху и правильно подвешенному стилету. Выражение хозяина стало осторожнее.

Он кашлянул.

– Есть что-нибудь горячее? Немного хлеба и воды.

Голос ровный, негромкий. Так говорят люди, привыкшие,

что их слышат с первого раза.

– Кабан с репой. Хлеб. Вино есть.

– Лучше воды.

– Хорошо.

Авелин коротко обвела зал: два выхода, стойка как укрытие, ближайшие к двери столы. Хозяин проследил за её взглядом и едва заметно нахмурился.

– Ночлег найдётся?

– Найдётся. Комната наверху. Серебряная за еду и ночь.

Монета легла на стойку аккуратно, почти бесшумно.

Бертон взял монету.

У печи нашлось свободное место. От нагретого кирпича тянуло таким простым уютом, что на мгновение стало больно. На стол поставили глиняную миску с тушёной репой и кусками мяса, кружку воды, ломоть тёмного хлеба. Пар коснулся лица.

Не роскошь.

Просто еда.

И всё же благодарность подступила к горлу неожиданно остро.

В памяти не было ни одного другого стола, с которым можно сравнить эту миску. И всё-таки тело узнало покой: тепло у коленей, тяжесть ложки, необходимость дуть на слишком горячий кусок. Такие вещи не требовали биографии. Они существовали раньше имён, домов и войн.

На несколько минут Авелин позволила себе не искать от-

веты.

Просто сидеть.

Просто есть.

Вокруг спорили о лошадях, жаловались на дождь, просили ещё хлеба. Чужие жизни теснились так близко, что касались локтями. Никому не было дела до пустоты у неё в голове. Это почти утешало.

Почти.

Потому что время от времени чей-нибудь взгляд всё же задерживался на лице, соскальзывал к поясу и возвращался. Авелин не знала, чего в нём больше – интереса или настороженности, – и потому не могла перестать замечать каждый.

Авелин ела медленно. Голова не любила резких движений, желудок – больших кусков. Хлеб оказался плотным, с хрустящей коркой; мясо чуть пересолили, но после зайца без приправ оно показалось почти праздничным.

За соседним столом сидели трое.

Матёрый выбрал место спиной к стене. Так садятся люди, привыкшие знать, кто находится за плечом. Нож лежал рядом с хлебом, ладонь – рядом с ножом. Пил он медленно, не пьянея, и смотрел с того момента, как открылась дверь.

Кос смотрел не на лицо – прикидывал расстояние, выходы и тех, кто мог вмешаться. Как на вещь, которую уже решил взять.

Длинноносый заметил взгляд главаря. Этого хватило.

– О-о-о! – Он развернулся к залу, словно только что при-

думал нечто выдающееся. – Гляньте-ка, господа, какая красота забрела! Не девица – картина. Прямо музейная редкость! Мадам, вы случайно не из дворца сбежали? Больно хороши для наших мест.

Авелин не подняла головы. Отломила хлеб, прожевала, запила водой.

– Слушай, – молодой тихо дёрнул длинноносого за рукав. – Не надо. Оставь её.

– Цыц, – бросил матёрый, не глядя. – Сиди и помалкивай.

Молодой замолчал и уставился в кружку.

Длинноносый приободрился.

– Молчит! Но слышит, я вижу. Ушко-то порозовело. Красавица, ты одна – судьба же. Грех не познакомиться.

В ответ лишь тишина.

Еда продолжала исчезать из миски – ложка за ложкой. Отвечать не имело смысла. Длинноносый говорил не для неё. Для Коса, для зала, для собственного места в стае.

– Да брось ты, – снова подал голос молодой, совсем тихо. – Не нужно. Вернись, выпьем спокойно.

Кос повернул к нему голову. Медленно. Молодой снова уткнулся в кружку и больше не вмешивался.

– Неразговорчивая, – вздохнул длинноносый. – Зато красивая. Верно, Кос?

Матёрый посмотрел на него впервые. Коротко.

Длинноносый поднялся.

– Ладно, красавица. Садись к нам.

Авелин не подняла головы. Отломила ещё кусок хлеба.

Мужчина оглянулся на Коса. Тот поставил кружку.

– Приведи.

Длинноносый подошёл вплотную.

– Слышала. Пойдём.

Она продолжала есть.

Тогда чужие пальцы сомкнулись на её запястье.

Она напряглась, и её рука стала словно выточена из гранита.

Длинноносый моргнул.

Мир щёлкнул.

Звук провалился, будто его отрезали. Воздух загустел. Таверна стала медленной и очень ясной: дрожь пламени в лампе, капля эля на краю кружки, движение пальцев Коса к ножу.

Сознание словно отступило на шаг и осталось наблюдать.

Тело перешло в режим боя.

Не разозлилось. Не испугалось. Просто узнало условие и начало исполнять давно подготовленный ответ.

Где-то глубоко Авелин попыталась остановить руку.

Рука не заметила.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Па.

Короткий удар основанием ладони в горло длинноносому. Не убить – выключить дыхание, лишить движения, оставить на месте. Он захрипел, выпустил запястье и схватился за шею обеими руками.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Па.

Кос уже вставал. Бесшумно, профессионально. Нож блеснул в руке.

Авелин шагнула внутрь движения, слишком близко для удобного удара. Ребро ладони встретило запястье. Пальцы разжались, клинок взлетел.

Секунда.

Ступня коснулась рукояти в воздухе и толкнула вниз.

Нож вошёл Косу в глазницу с коротким влажным звуком.

Он не вскрикнул. Просто выключился – мгновенно, как механизм, у которого закончился завод.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Па.

Плавный разворот вернул её к длинноносому. Тот всё ещё держался за горло и ещё не понял, что остался следующим.

Стилет покинул ножны серебряной чертой, прошёл по дуге и вернулся обратно прежде, чем тело мужчины начало оседать на скамью.

Раз.

Два.

Три.

Четыре.

Па.

Молодой поднимался из-за стола медленно, в ужасе, надеясь, что осторожное движение останется незамеченным.

Не осталось.

Но раньше Авелин до него добрался Бертон.

Огромный кулак пришёл сверху. Молодой описал короткую дугу и ударился о стену с глухим деревянным «тук». Сполз на пол.

Жив.

Тишина накрыла зал. Двое лежали неподвижно. Третий дышал у стены, но пока не собирался возвращаться в мир. В воздухе смешались запахи эля, дыма и свежей крови. Бертон медленно опустил кулак.

Под плащом тело Авелин едва заметно перетекало из одной стойки в другую, выбирая лучший угол для следующей атаки.

– Тише, – сказал Бертон негромко. – Всё. Уже всё.

Авелин моргнула.

Будто внутри повернули рычаг.

Плечи опустились. Дыхание стало глубже. В глазах вернулось живое тепло. Напряжение покинуло мышцы.

Взгляд упал на ладони: ровные, сухие, без дрожи.

Именно это оказалось страшнее крови и двух тел у стола. Руки были совершенно спокойны. Будто случившееся не требовало ни ужаса, ни сомнений.

Она убила двух человек, а тело сочло работу выполненной.

– Вот и славно, – тихо сказал Бертон.

Потом повернулся к залу и повысил голос:

– Представление окончено. Всем спасибо.

Шум вернулся не сразу. Сначала звякнула одинокая ложка. Затем кто-то откашлялся. Разговоры поднялись осторожно, приглушённо; посетители старательно изучали миски, стены, собственные руки – всё, кроме двух мёртвых и женщины рядом с ними.

Бертон поставил перед Авелин кружку с элем. Не спросил. Просто поставил и принялся вытирать стойку, медленно и методично, как человек, которому легче думать, пока заняты руки.

– Пей. От звона помогает.

Эль оказался горьким, холодным и неожиданно хорошим. Авелин ждала вопроса. Он не последовал. Хозяин только подвинул кружку ближе и оставил ей право молчать.

Дверь распахнулась.

Вошли двое в серых куртках, с металлическими бляхами

стражи на груди. Судя по расслабленным лицам, дружинники заглянули погреться, выпить перед концом смены или переждать начинавшийся дождь.

Первый сделал шаг и остановился.

Второй упёрся ему в спину.

Картина перед ними была ясной и совершенно непосильной для служебного ума: двое на полу в позах, которые живые люди не выбирают; третий у стены медленно, с явным несогласием, пытается вернуть себе вертикальное положение. Бертон наливает эль. Молодая женщина у стойки принимает кружку обеими руками, благодарно кивает и пьёт – спокойно, почти с удовольствием.

Рядом с двумя трупами.

Старший дружинник открыл рот. Закрыл. Попробовал ещё раз.

– Что тут…

Вопрос умер, не родившись.

– А, это, – сказал Бертон, не оборачиваясь. – Упали.

– Все трое?

– По очереди.

Дружинник посмотрел на тела, затем на Авелин. Та ответила таким же спокойным взглядом и снова отпила.

– Она… – Он неопределённо указал рукой.

– Оборонялась. Первый схватил, поволок, второй полез за ножом. Дальше сами видите.

Старший дружинник обвёл зал взглядом.

– Кто видел начало?

Поднялись сразу несколько рук. Свидетели заговорили нестройно, но сходились в главном: девушку тронули первой, за оружие первой взялась не она. Один из посетителей назвал двоих убитых; стражник помрачнел, явно узнав имена.

– Эти уже проходили по книге за вымогательство и ножи, – сказал он напарнику. Тот нехотя достал дощечку и начал записывать. – Нападение в постоялом доме. Защита с оружием. Тела заберёт городская телега, живого – в караулку. До тех пор сложите у задней двери.

Второй дружинник едва заметно отступил к двери. Чистый инстинкт, не успевший спросить разрешения у профессионального долга.

Старший заметил и расправил плечи.

– Имя, – потребовал он, стараясь вернуть голосу уставную твёрдость.

– Авелин.

– Документы?

Бертон поднял голову.

– Эй, у тебя сегодня смена до скольки?

Старший перевёл взгляд на трактирщика. Потом на мёртвых. На девушку. Снова на трактирщика, который смотрел с тихой отеческой заботой человека, искренне желающего ему долгой и здоровой жизни.

– До заката.

– Вот и хорошо. До заката далеко. Успеешь поужинать.

Молчание растянулось.

Старший посмотрел на напарника, который уже почти достиг двери.

– Ладно. Бывает.

И дружинники ушли.

Довольно быстро.

Второй – первым.

После их ухода Бертон вынес из подсобки два старых полотна.

– Поможешь? – спросил он у зала.

Зал внезапно обнаружил исключительную занятость. Один посетитель тщательно пережёвывал давно пустую ложку. Другой изучал трещину в столе. Третий, ещё недавно обещавший приятелю поддержку до самой смерти, решил, что смерть наступила слишком буквально.

Авелин поставила кружку.

– Что нужно делать?

Хозяин посмотрел на неё, затем на тела.

– Тебе – с того края подержать.

– Хорошо. – Она отошла от стойки.

– Давай этого большого первым. Потом второго. Ну и натекло с них.

Он говорил ворчливо, но без осуждения. Авелин с кухонным мальчишкой завернули тела и оттащили к задней двери. Молодого оставили у стены приходить в себя. Бертон сунул

ему под голову свёрнутый фартук – тот самый, которым минуту назад собирался накрыть мертвеца.

Когда закончили, Бертон молча долил эля.

Авелин кивнула. Благодарность получилась короткой, но другой здесь и не требовалось.

Комната наверху была узкой, как деревянный ящик. Кровать, маленькое окно в переулок, столик с глиняной лампой, таз воды на табурете. Стены хранили запах старого дыма и мыла; за тонкой перегородкой кто-то тяжело храпел, иногда сбиваясь и начиная заново.

Холодная вода легла на лицо стеклом.

В тазу расплывались серые разводы дорожной пыли. Между ними дрожало отражение – то самое чужое лицо, теперь бледнее, с тенями под глазами.

Авелин долго смотрела на него.

Ждала.

Слёз. Тошноты. Дрожи. Раскаяния – хотя бы его тени. Чего-нибудь, что обязано приходить после двух убийств.

Не пришло ничего. Внутри было тихо, и непонятно, что хуже: совершённое или эта тишина.

Она снова видела нож, входящий в глазницу.

Не сам удар – его почти не осталось в памяти. Запомнилась точность. Расстояние, рассчитанное без взгляда. Мгновение, в которое ступня встретила рукоять. Угол, после которого человек уже не мог выжить.

Сознание пыталось назвать случившееся случайностью,

отчаянной защитой, счастливым совпадением. Тело знало правду. Такое движение не находят в драке. Его повторяют сотни раз.

Сначала медленно. Потом быстрее. Пока чужая смерть не становится простой последовательностью действий.

Где-то существовало место, в котором Авелин училась этому. Люди, исправлявшие её стойку. Голос, приказывавший повторить. Возможно, те же руки, что пахли железом и держали её за виски.

Она не знала, что страшнее: быть их жертвой или их творением.

– Кто ты такая? – спросила она у воды.

Отражение не ответило. Только смотрело с той же точностью, с какой несколько минут назад оценивало дистанцию, угол удара и следующий шаг.

– Хватит.

Слово предназначалось зеркальной женщине, памяти и звону одновременно.

Звон ответил первым.

Он поднялся в ушах, толкнул изнутри виски. Пришлось лечь, натянуть одеяло до подбородка и закрыть глаза.

Образы пришли сразу.

Длинные пальцы держат её за виски.

Голоса – ровные, чужие, профессионально спокойные.

– Вдох. Выдох. Хорошо.

– Она сопротивляется.

– Сопротивление учтено.

– Мы вырежем.

Слово ударило под рёбра.

Авелин выгнулась, вцепилась в матрас. В темноте вспыхнула конструкция – форма, вектор, триггер, задержка, предохранительный контур. Последовательность была знакома до боли. Кто-то когда-то диктовал её. Кто-то заставлял повторять, пока порядок не вошёл глубже памяти.

Имени этого человека не осталось.

Пришлось сесть и упереться ступнями в пол. Дерево было холодным, настоящим.

– Ты здесь, – сказала Авелин себе. – Тебя зовут Авелин.

Холодная часть внутри ответила без эмоций:

– И ты не девочка.

В дверь тихо постучали.

– Кто?

– Бертон. Воду принёс.

Авелин приоткрыла дверь. Хозяин стоял с кувшином и чистой кружкой.

– Стража вернулась. Тебя обсуждают. До утра не спускайся.

Она приняла воду.

– Спасибо.

Бертон уже повернулся к лестнице.

– Мне нужен проводник. Утром. Человек, который знает дороги на юг и не продаст меня на первом перекрёстке.

Он остановился.

– Есть один. Утром познакомлю.

– Почему ты помогаешь?

Ладонь Бертона легла на старые перила.

– Потому что могу. Когда-то не успел.

Больше он ничего не добавил. Шаги ушли вниз, оставив после себя запах воды, дыма и дерева.

Авелин положила диск на ладонь. Сапфир в полумраке казался маленьким синим глазом, но не светился; стрелка оставалась неподвижной.

Вещь не знала дороги. Значит, утром предстояло найти человека, который знал хотя бы первую её часть.

Она убрала холодный металл под подушку.

Сон долго стоял у порога, прислушиваясь.

Потом вошёл.

Тренировочный зал. Гладкий пол, запах масла, пота и нагретой кожи. Мужчина в чёрном стоит напротив.

– Руки ниже.

– Да.

– Голову выше.

– Да.

– Снова.

Лезвие воздуха проходит в миллиметре от щеки. Удар, которого не успеваешь увидеть, – только рёбра начинают петь. Подъём. Снова. Ещё раз. Пока движение не перестанет принадлежать мысли и не станет свойством тела.

Другой голос, спокойный и усталый:

– Ты не будешь этим пользоваться.

– Тогда зачем вы меня этому учите?

– Затем, что мир не спрашивает.

Зал исчез.

Вместо него поднялись белые колонны. Между ними – тени в плащах. Холодный голос сказал почти ласково:

– Ты нарушила.

Другой ответил – знакомый до боли, но лишённый имени:

– Это не нарушение. Это выбор.

– Тогда мы сделаем свой.

Ладонь, пахнущая железом, легла на лоб.

Авелин вздрогнула, но сон не отпустил.

Холодный металл под подушкой давил на висок. Где-то далеко хрипло скрипнула пружина автоматона. Город за окном снова задышал – тяжело, неровно, но упрямо.

Утро было бледным.

Дождь моросил так, будто небо никак не могло решить, плакать ему или передумать. Капли мелко царапали стекло. В переулке ругались из-за телеги; чей-то петух, не признававший погоды и человеческих несчастий, хрипло объявлял начало дня.

Авелин умылась и заплела волосы.

Внизу было тихо. Двое мужчин дремали над кружками у стены. Девчонка-служанка протирала столы длинными медленными движениями, словно убаюкивала дерево после ноч-

ного шума. На полу уже не осталось крови, но одна доска возле соседнего стола была заметно светлее остальных – её тёрли особенно долго.

Бертон кивнул и поставил перед Авелин миску каши. Сверху блестела капля тёмного сиропа.

– Сладкая каша – лучшее начало дня.

Они помолчали. Это нравилось ей всё больше.

Хозяин подождал, пока миска опустеет, затем облокотился на стойку. Голос понизился сам собой – не от тайны, а от привычки не делиться лишним с соседними столами.

– На востоке Тарнис подвёл батареи к Серым высотам. Уже не прячет: тяжёлые машины идут к Глустонскому коридору.

– Глустон принадлежит Вентурии?

– Ей. Стоит почти на самой восточной кромке владений, у большой реки. Там каменный мост, четыре тракта и склады на пол-края. Тарнисты возьмут город – получат дорогу на запад и южный путь к тёплым морям. Вентурия потеряет не стену. Артерию.

Бертон поставил на стойку чистую кружку, посмотрел сквозь неё на свет и снова взялся за тряпку.

– Поэтому с запада тянут полки. Кланы спорят, кто будет командовать, офицеры меряются родословными, а солдаты уже роют землю. Глустон их город. Отступать им там особенно некуда.

– А здесь?

– Пока тихо. Мы севернее главной дороги. Тарнистам сейчас нужен мост, не наш забор. Но если попробуют обойти Глустон и перерезать северный тракт, городок окажется на пути первым. Тогда эти стены продержатся ровно столько, сколько врагу понадобится, чтобы найти топор.

За окном прошла телега. Колесо попало в выбоину, посуда на полке коротко звякнула.

– Ты говоришь как военный, – заметила Авелин.

Тряпка в руках Бертона остановилась.

– Говорю как человек, который однажды поверил карте с красивыми стрелками. На карте всё выглядело просто: наши здесь, враг там, между ними лес. Потом выяснилось, что в лесу деревня, а в деревне люди. На следующей карте деревни уже не было.

Он снова принялся за кружку.

– После такого начинаешь внимательно слушать, когда кто-то называет город артерией, узлом или выгодной позицией. Обычно это означает, что скоро туда повезут людей, а обратно – то, что от них осталось.

– Ты служил Вентурии?

– Я служил тем, кто тогда платил. Молодость вообще любит простые ответы. Деньги – один из самых простых.

Авелин не стала спрашивать, почему он перестал. Некоторые ответы уже стояли у него в глазах и не нуждались в произнесении.

– Доминион? – спросила Авелин.

– Поднял цену на зерно, страхует обозы обеих сторон и продаёт одинаковые обещания разными чернилами. На юге у них перешеек, порты и половина договоров мира. Война для них – плохая погода: мешает, но при правильной крыше приносит доход.

– Фельдард?

– Северо-западные мосты прикрыл для тяжёлых обозов. Официально – из-за безопасности. Неофициально – ждёт, кто больше заплатит за право считать безопасность временной.

Карта мира укладывалась внутри не линиями, а натяжением интересов. Восток давил на запад. Юг считал прибыль. Северо-запад охранял знания и мосты. А между ними стояли города, люди и дороги, которым никто не объяснял, почему именно по ним должна пройти история.

– На юг всё ещё можно?

– Можно. – Бертон помолчал. – Вопрос только, кем ты туда придёшь. На большом тракте сейчас патрули, обозы, дезертиры и те, кто кормится между ними. Через лес дольше, зато стреляют реже.

Авелин запоминала.

– Орден Клинков?

Название сорвалось с губ раньше, чем мысль успела его остановить. В висках кольнуло.

Бертон посмотрел внимательно, но без спешки.

– Их тени бывают везде, где кому-то нужно решить вопрос

без знамени и подписи. Видел пару раз. Идут так, будто ноги у них не из мяса. Смотрят на людей, как инженеры на чертёж. Где проходят – крови потом хватает. Ты их знаешь?

– Не помню.

Честный ответ прозвучал хуже любой лжи.

Бертон только кивнул.

– Человек, которого я позвал, знает дорогу до Глустона. И сам город знал ещё до того, как тот превратился в госпиталь. Водил караваны от фельдардских мостов до южных портов. Работал и на Доминион.

– Он надёжен?

– Да. – Бертон посмотрел на Авелин. – Доедай. Скоро придёт.

Арден появился, когда Авелин допивала чай из кружки.

Дорожный плащ был влажным на плечах, сапоги – в серой глине. Ничего примечательного, если не считать взгляда: спокойного, собранного, привыкшего замечать края комнаты прежде её середины.

Бертон кивнул от стойки.

– Арден.

И больше ничего.

Трактирщик посмотрел на одного, затем на другую – как человек, который сделал свою часть работы и теперь намерен молча наблюдать, справятся ли остальные.

Арден сел напротив и положил руки на стол.

– Куда идём?

Авелин положила на стол холодный диск с сапфиром.

– Мне нужен большой город. Мастера по артефактам, архивы и люди, которые не станут смеяться раньше, чем посмотрят на вещь.

Арден изучил диск, затем его хозяйку.

– Глустон. Стоит у моста и собирает дороги со всего края. Если кто-то умеет разбудить такую вещь, искать надо там.

– Ты бывал в городе?

– Достаточно, чтобы знать, где не ночевать. До войны там было больше шёлка и ругани возчиков. Сейчас, подозреваю, больше носилок.

– Сколько идти?

– Несколько переходов северными тропами. Большой тракт короче, но там разведчики и патрули. Они задают вопросы быстрее, чем слушают ответы.

– Хорошо.

– Четыре серебра в неделю. Куда и зачем – твоё дело. Моё – довести живой.

– А если дорога займёт меньше недели?

– Четыре монеты серебром.

– Это почему же?

– Надбавка за скорость.

Авелин впервые увидела, как в его спокойном лице появляется настоящая улыбка – короткая, почти ленивая.

Арден не пытался понравиться. Не рассматривал её дольше необходимого, не спрашивал о прошлом и не изображал

бескорыстие. Просто назвал цену и условия.

После двух суток, наполненных загадками, такая прямота казалась роскошью.

– Почему берёшься?

Проводник покосился на Бертона. Тот протирал кружки и старательно интересовался только ими.

– Он попросил. Просит редко. Значит, надо. И мне всё равно нужно к Глустону – забрать одну старую расписку, пока человек, который её подписал, не решил героически умереть за мост.

– Завтра утром.

Арден кивнул, поднялся и ушёл так же просто, как вошёл. Бертон проводил его взглядом. Несколько мгновений он ещё стоял за стойкой, затем снял фартук и перебросил на крючок.

– До первых посетителей около часа. Пойдём. Покажу кое-что.

Спрашивать куда Авелин не стала.

Лавка трофейщика находилась в двух кварталах от рынка, под низким навесом, с которого лениво капала дождевая вода. Там висело и лежало всё, что война снимает с людей после смерти: доспехи, клинки, наконечники стрел, ремни, пряжки, сапоги. Некоторые вещи ещё хранили форму прежних владельцев. Другие успели стать просто товаром.

Пахло ржавчиной, жиром для кожи и старой сыростью.

Хозяин – толстый мужчина с маленькими внимательными

глазами – увидел Бертона и кивнул, не спрашивая, зачем тот пришёл.

Авелин медленно пошла вдоль развески.

Руки тянулись к оружию сами. Снять. Проверить вес. Найти центр баланса. Повернуть кисть. Вернуть на место. Тело знало, что искать, ещё до того, как взгляд успевал рассмотреть клинок.

Пехотные мечи висели в ряд: широкие, тяжёлые, без украшений. Серая сталь, грубые рукояти. Оружие, которое делают быстро, много и с расчётом на то, что часть владельцев не вернётся за вторым.

– Сколько?

– Который смотрите?

– Любой из этих.

– От сорока серебряных. Простые как жизнь, надёжные как смерть.

Пальцы отпустили очередную рукоять.

– А те? – Бертон кивнул на дальнюю стену.

Там висели клинки другого рода: уже, легче, с тёмной сталью и аккуратной отделкой.

– Офицерские. Хороший металл, выверенный баланс. Кузнец знал своё дело. От сотни. Крайний – полторы. Снят с тарнистского полковника, почти не использован.

– А вон тот? – Авелин указала в дальнюю часть лавки.

В самом углу висел узкий тёмный клинок в простых ножнах. Никаких украшений, но взгляд цеплялся за него снова

и снова, словно оружие занимало больше места, чем позволяло тело.

Трофейщик посмотрел на Авелин внимательнее.

– Это не продаётся. То есть продаётся, но не за серебро. Работа мастера, особый сплав, возможно, заклятие. Таких единицы. Редкое оружие.

Авелин коснулась того места, где был её кошель.

На улице дождь почти кончился. С крыш продолжало капать, в колеях дрожали мутные лужи.

– Дорого, – сказала Авелин.

– Война. Клинки не дешевеют. Наоборот.

Пустая петля снова попалась под пальцы.

Бертон ничего не ответил. Только кивнул так, будто услышал подтверждение собственной мысли.

К возвращению в трактире появились первые посетители – двое в дорожных плащах с тяжёлыми сумками. Снабженцы, судя по привычке садиться ближе к выходу и не выпускать поклажу из поля зрения. Бертон мгновенно вернулся к своей работе: поставил кружки, принял заказ, крикнул что-то на кухню.

Авелин заняла место у печи.

Через минуту хозяин нагнулся под стойку. Выпрямился уже с мечом в потёртых ножнах и положил его перед ней.

Рукоять была обмотана кожей, отполированной ладонью до блеска. Старое оружие. Не заброшенное – ухоженное. На ножнах тёмными полосами лежали годы.

– Что это?

– Меч, – невозмутимо ответил Бертон. – Обычный, без прикрас.

Клинок вышел на два пальца. Сталь потемнела от времени, была покрыта мелкими царапинами, но кромка оставалась ровной. Вес лёг в руку сразу, без знакомства, словно ладонь давно знала подобный баланс.

– Выщербин нет.

– Я за ним следил. Тридцать лет. Пора ему идти дальше.

– Это твой?

– Был мой. – Бертон уже поворачивался к новым гостям. – Мне теперь некуда с ним ходить. Бери, отказа не приму.

Меч вошёл в пустую петлю так точно, будто её делали именно под него.

Вес клинка изменил всё положение тела. Пояс лёг ниже, левое плечо само подалось назад, ладонь нашла расстояние до рукояти. Ничего не пришлось поправлять.

Бертон заметил.

В его лице не появилось ни удивления, ни сожаления – только короткая тень узнавания.

Хозяин не смотрел. Разносил кружки, принимал монеты, спорил с кухней о подгоревшем луке. Только когда Авелин поднялась, чтобы уйти наверх, бросил почти в сторону:

– Поешь до темноты. Утром Арден ждать не станет.

К вечеру трактир снова заполнила стража. Пересменка принесла тяжёлые сапоги, влажные куртки, запах железа и

пота. Люди говорили громко, но в сторону печи не смотрели. Возможно, Бертон успел провести разъяснительную работу. Возможно, вчерашние свидетели сделали её за него.

Авелин некоторое время слушала общий гул. В нём не было ни одного важного слова, и всё же человеческий шум успокаивал. Люди спорили о цене овса, ругали начальника караула, смеялись над чьей-то неудачной попыткой ухаживания. Жизнь продолжалась с той невежливой уверенностью, с какой всегда продолжает идти рядом с чужими тайнами.

Кружка осталась на столе.

До лестницы удалось дойти так тихо, что никто не обернулся.

В комнате зажглась лампа. На стол легли стилет и кинжал. Меч Бертона устроился рядом с кроватью, на расстоянии вытянутой руки.

Так, чтобы найти в темноте.

Авелин легла, но сон не пришёл.

День распадался на отдельные картины: лес, ручей, рынок, старуха с яблоками, Бертон, трое за соседним столом. Руки снова вспоминали движение стилета. Ни дрожи. Ни запоздалого страха.

Между этими картинами существовали мелочи, за которые сознание цеплялось особенно упорно: тёмное пятно на яблоке, пар над миской, истёртый край Бертоновой тряпки, удивление дружинника, когда хозяин сообщил, что трое мужчин упали по очереди.

Мир состоял не только из угроз. Он был набит бессмысленными подробностями, как дорожная сумка человека, который боится забыть нужное.

Возможно, именно подробности и удерживали её от падения.

Если утром она снова проснётся без прошлого, останется сегодняшний день. Первый день, который точно принадлежал ей, а не неизвестной женщине до леса.

В нём она убила двух людей.

Но ещё в нём были два яблока, чужая помощь и старый меч, подаренный без требования назвать настоящее имя.

Не самый чистый лист.

Зато её собственный.

– Утром, – прошептала Авелин.

Диск остался в ладони – тяжёлый, немой и совершенно бесполезный как ответ.

На этот раз сон пришёл без колонн, голосов и холодных пальцев на висках.

Просто темнота.

Тихая.

Своя.

* * *

Трое появились в лесу после полуночи.

Они нашли стоянку не по сломанным веткам – Авелин

их не ломала – и не по золе, прибитой дождём. Каждый нёс под плащом одинаковый амулет с тёмно-красным камнем. У края старой стоянки все три камня потеплели одновременно.

Первый присел у кострища и провёл ладонью над землёй. Второй открыл крышку амулета; под стеклом дрогнули тонкие линии.

– След тот же. Свежий.

– Совпадение?

– Полное.

Третий изучил землю: аккуратная ночёвка, один человек, глубокая дуга звериных следов вокруг невидимой границы.

– Защита сработала на зверя.

– Носитель ушёл к стене.

Амулеты не показывали дорогу. Её показывали примятая трава, подсохшая глина на корнях и единственный каблук, который ручей не успел смыть.

Между деревьями нарастал влажный тяжёлый звук. Нечто крупное двигалось быстро, уже не скрываясь. Третий отступил на полшага и поднял руку. Тварь вылетела из темноты в прыжке: широкая пасть, мокрая чёрная шкура, когти.

Воздух сжался. Существо лопнуло на середине движения. По листьям хлестнули тёмные брызги.

Красные камни на чужое заклинание не ответили: они узнавали только искомый остаточный след, не его источник и не устройство.

Трое двинулись к городку.

Лес молчал.

Глава 2. Дорога на юг

Утро пахло влажным деревом, остывшим очагом и кашей со сладкой корочкой.

С улицы в трактир тянуло туманом. Он просачивался в щели, белел за мутными стёклами и цеплялся за каждого входящего мелкими каплями, будто ночь не хотела отпускать город и теперь держалась хотя бы за рукава.

Звон в голове отодвинулся куда-то за стены, на дальний конец улицы. В колокол по-прежнему били, но теперь между ударами оставалось достаточно тишины, чтобы думать.

На узком столике лежало всё её имущество.

Рядом, прислонённый к стене, стоял меч Бертона. За ночь он не стал ни легче, ни привычнее. Старые ножны были натёрты тёмным воском, на гарде осталась едва заметная вмятина, рукоять хранила тепло чужой ладони дольше, чем полагалось вещи. Подарок занимал слишком много места среди имущества, которое можно было пересчитать за минуту. И слишком много места в мыслях.

Авелин ещё раз проверила перевязь. Тело без подсказки потребовало, чтобы ножны висели на строго определённой высоте. На полпальца выше – неудобно выхватывать. На полпальца ниже – клинок ударит по колену при беге. Откуда взялась эта точность, спрашивать было не у кого.

Четыре серебряных. Двадцать шесть медных. Мешочек с

солью. Нож. Моток вощёной нити. Две иглы. Кремень. Диск с синим камнем, который оставался одинаково холодным и в ладони, и в кошеле.

Монеты были пересчитаны дважды.

Больше их не стало.

Арден ждал у стойки. Плащ уже застёгнут, дорожная сумка через плечо, на ремне нож и ещё несколько вещей, назначение которых Авелин пока не знала. Стоял спокойно – как человек, у которого всегда есть время, но никогда нет лишнего.

При её приближении он только кивнул.

– Готова?

– Готова.

Четыре серебряные монеты легли на стойку короткой неровной дорожкой. Арден сгрёб их в ладонь, не пересчитывая. Это тоже оказалось хорошим знаком. По крайней мере, хотелось так думать.

Монеты исчезли во внутреннем кармане. На этом сделка была заключена – без расписки, печати и свидетелей. Удивительно мало для того, чтобы доверить незнакомцу собственную дорогу. Удивительно много, если вспомнить, что другой дороги у неё всё равно не было.

Кошель снова стал почти невесомым. Двадцать шесть медных – не богатство, но и не пустота. Иногда между ними разница всего в одной кружке воды.

На улице туман сразу намочил ресницы. Город ещё не

проснулся окончательно: ставни открывались нехотя, в водостоках плескалась ночная вода, где-то за домами ругались петух и человек, причём человек проигрывал по всем признакам.

У ворот Арден замедлил шаг. Проводил взглядом сонного стражника, проверил дорогу за стеной и оглянулся – коротко, оценивающе.

– Правила дороги. Коротко и один раз.

– Слушаю.

– Воду из луж не пить. Из ручьёв – только выше по течению от деревень. Ягоды – лишь те, которые покажу. Грибы не трогать вообще. Здесь есть такие, что выглядят как еда, пахнут как еда и убивают не хуже яда.

Авелин кивнула.

– Дальше. Если поднимаю руку – стой. Не спрашивай зачем, не ищи глазами причину. Просто стой и молчи. Потом объясню.

– Хорошо.

– Если побегу – беги следом. Не рядом: чуть сзади и правее. Если упаду – не останавливайся.

Взгляд сам поднялся к его лицу.

– Это стандарт, – добавил Арден. – Не обижайся.

– Не обижаюсь.

– Костёр развожу я. Место для привала выбираю тоже я. Ночные вахты по очереди, будить без церемоний. – Он помолчал, уже поворачиваясь к воротам. – И последнее. Если

что-то кажется тихим, это не означает, что оно безопасно. Здесь тишина бывает хорошей или очень плохой.

– Поняла.

– Хорошо. На этом всё. Идём.

Он двинулся вперёд.

Авелин пошла следом. Чуть сзади и правее.

Автоматон у ворот проводил их пустой маской. Внутри груди щёлкнула шестерня, латунная решётка едва заметно дрогнула – будто механический страж сделал вдох, передумал и снова стал частью стены.

За городом дорога почти сразу сошла с камня на глину. Тропа вытянулась между низкими кустами и скупыми полями, где по краям торчала невысокая стерня. Туман лежал в ложбинах белыми комьями, похожими на шерсть, которую забыли собрать после стрижки. Пахло мокрой землёй, прелыми листьями и смолой.

Первые часы прошли в молчании.

Молчание оказалось не пустым. В нём постепенно проступал ритм пути: скрип ремней, шорох плаща, мягкий стук ножен о бедро, дыхание, которое само подстраивалось под подъёмы. После города лес казался просторнее, но безопаснее не становился. Между деревьями было слишком много мест, где мог стоять человек, и слишком мало причин показываться заранее.

Авелин ловила себя на том, что считает расстояния. До поворота – сорок шагов. До сухого дуба – двенадцать. До Ар-

дена – четыре с половиной, если он не ускорится. Сознание этим не интересовалось. Тело вело собственную дорожную ведомость и не считало нужным отчитываться.

Арден шёл впереди, не оглядываясь, но замечал каждый её шаг. Стоило сапогу попасть на рыхлый край колеи, как его ладонь чуть смещалась – не жест, ещё не предупреждение, просто готовность. Проводник и правда следил за всем.

– Ты откуда? – спросил он наконец. – Речь аккуратная. Не деревенская.

Мир щёлкнул.

В трактире щелчок открыл холодную ясность боя. Здесь он, наоборот, выбил опору.

В ушах поднялся тонкий, игольный звон. Дорога качнулась, край леса поплыл тёмными чернилами. Нога сама нашла твёрдую землю, пальцы сжались, взгляд вцепился в спину Ардена – единственную неподвижную вещь в мире.

Вдох.

Ещё один.

И в темноте вспыхнул город.

Вернулся только обрывок света, запаха и чужих голосов. Белый камень под утренним солнцем. Типографская краска. Горячий металл. Ряды столов, за которыми торговали сведениями, обязательствами, расчётами. Человек в чёрном костюме диктовал цифры в кожаную книгу, не поднимая глаз. Двое рядом спорили о курсе монет трёх государств. Мальчишка нёс над головой стопку бумаг, бережно, как хрупкое

стекло.

Фельдард.

Слово не вспомнилось. Оно просто оказалось на своём месте, будто камень, который когда-то вынули из кладки и теперь вернули обратно.

Темнота схлопнулась.

Под ногами снова была дорога.

– Фельдард, – произнесла Авелин. – Кажется.

Арден лишь замедлился на полшага, оставляя ей возможность сделать вид, что ничего не произошло.

– Голова?

– Уже прошло.

Он кивнул и не спросил, что именно прошло. За это хотелось быть благодарной сильнее, чем следовало.

– В Фельдарде знание дороже золота, – сказал проводник, снова глядя вперёд. – Информация там считается валютой. Контракт – законом. Говорят, можно купить карту любого города мира. Или продать секрет любого государства. Если цена правильная.

Слова ложились внутрь странно знакомо. Не возвращали память – лишь задевали натянутые струны, каждая из которых отзывалась где-то за стеной.

– Ты держишь ложку как аристократка, даже когда ешь походный суп из котелка.

– Ты следишь за тем, как я ем?

– Я провожу людей через опасные места. Слежу за всем.

Фельдард звучал правдоподобно. Почти естественно. И оттого пугал сильнее заведомой лжи: чужой человек складывал её прошлое увереннее, чем она сама.

– Ты бывал в Фельдарде? – спросила она.

– Дважды. В первый раз меня обсчитали на мостовой пошлине. Во второй я заранее узнал тариф и всё равно оказался должен за сведения о тарифе.

– Похоже, там не так всё радужно.

– Именно поэтому оттуда хочется уехать.

Смешок вышел коротким, но своим. На несколько шагов Фельдард перестал быть бездной за глазами и стал городом, где даже Ардена сумели оставить в дураках. Это делало возможное прошлое чуть менее страшным.

К полудню туман поднялся и превратился в просто влажный воздух. На ветках блестела вода, под сапогами мягко чавкала земля. Дорога то сближалась с лесом, то снова выходила к полям, где одинокие пугала в мокрых рубахах сторожили давно убранный урожай.

Иногда Арден коротко указывал:

– Слева обойди. Там дёрн тонкий.

Или:

– Эти цветы не трогай. Сок злой.

Лишних слов он не тратил. Нужные произносил вовремя. Под вечер тени вытянулись через дорогу, и рука Ардена поднялась. Авелин остановилась сразу.

Тишина вокруг была не пустой. Впереди кто-то слиш-

ком старательно разговаривал с сухим хворостом: короткий треск, пауза, ещё один. Человек, который хотел двигаться незаметно и потому замечал каждую ветку уже после того, как наступал на неё.

– Бандиты, – почти беззвучно сказал Арден. – Или ближайшие родственники.

– Сколько?

– Четверо. Возможно, пятеро. Гнилые ножи, дорогие претензии.

– Говорим?

– Да. Сначала говорим. После, решим по ответам.

На тропу вышел человек в коричневом плаще. Когда-то плащ наверняка был дорогим; теперь его перелицовывали столько раз, что ткань помнила больше хозяев, чем нынешний владелец – честных дней. На шее болтался жестяной «амулет», по форме подозрительно похожий на бывшую пряжку. Шляпа имела столько дыр, что уже сама не была уверена, остаётся ли шляпой или превратилась в воспоминание о головном уборе.

Улыбался незнакомец широко и профессионально.

Из кустов за его спиной показались ещё двое: один с дубиной, другой с ножом размером с большой палец. Третий – высокий, со шрамом на щеке – пытался спрятаться за тонким деревом. Дерево не справлялось. Мужчина понимал это, но менять план из уважения к замыслу не стал.

– Добрый вечер, господа путники! – объявил главарь. –

Дорога платная. Кошель, кольца и всё, что блестит.

– Кто назначил сбор? – спросил Арден.

– Мы. И мы же охраняем дорогу.

– От кого?

Главарь улыбнулся шире.

– От людей хуже нас.

Арден оглядел дубину, нож и высокого мужчину, безуспешно прятавшегося за тонким деревом.

– Тогда вам пора уходить. Это последняя скидка.

Улыбка главаря стала уже.

– А если не уйдём?

– Следующий сбор назначит кто-нибудь другой.

Авелин тихо коснулась локтя Ардена.

– Я попробую по-другому.

Проводник повернул голову. В его взгляде не было тревоги – лишь настороженное любопытство человека, который ещё не знает, что сейчас произойдёт, но уже подозревает: скучно не будет. Он отступил на полшага.

Авелин вышла вперёд. Пальцы коснулись края капюшона, ткань соскользнула с волос. В воздухе ничего не изменилось. Изменились люди.

Два медленных шага. Плащ качнулся у сапог. Авелин выпрямилась, подняла подбородок и позволила им рассмотреть лицо.

Главарь замолчал на полуслове. Мужчина с дубиной опустил оружие – не положил, именно опустил, будто забыл, за-

чем держал. Крюк высунулся из-за дерева целиком и застыл. Тот, что с маленьким ножом, машинально спрятал его, спохватился, снова достал – и теперь держал так неуверенно, словно впервые увидел эту вещь.

Старые легенды называли подобных женщин суккубами. Не рогатыми тварями с хвостами – такие годились для дешёвых картинок. Настоящие, если верить тем, кто пережил встречу, выглядели иначе. Их красота не восхищала. Она лишала человека права отвернуться. Мужчины отдавали золото, клятвы, дома, иногда жизни – и ещё успевали порадоваться выгодной сделке.

Сейчас четверо вооружённых людей стояли посреди дороги и уже не были уверены, зачем пришли.

– Господа, – произнесла Авелин.

Голос стал ниже, мягче. Не соблазняющим – уверенным настолько, что сопротивление начинало казаться невежливостью.

– Вы правы. Разговор зашёл не туда. Давайте сначала.

Главарь моргнул, пытаясь вспомнить собственную роль.

– Да. То есть… мы здесь по делу. Кошель… кольца… вообще всё, что блестит.

– Оно того не стоит, уж поверьте.

– Угу! – Он встрепенулся, ухватившись за знакомую мысль. – А как же: кошель, кольца, плащ явно недешёвый, ещё…

Пальцы Авелин щёлкнули.

Воздух у его губ завязался невидимым узлом.

Рот открылся – и не выпустил ни слова, ни ругательства, ни даже приличного вздоха. Главарь застыл с выражением человека, который в середине фокуса понял, что не зритель, а реквизит.

Крюк шагнул из-за дерева. Тени под его коленями вздулись чёрными лентами и схватили лодыжки. Следующий шаг не состоялся. Сохранив остатки достоинства, мужчина лёг обнимать дерево, которое прежде использовал как укрытие. Дерево приняло его без замечаний.

Владелец маленького ножа наконец определился и поднял оружие. Два коротких движения пальцев – воздух хлестнул по запястью. Нож описал красивую дугу и исчез в кустах. Хозяин взвизгнул и принялся трясти рукой с видом человека, которого предали самые близкие.

Мужчина с дубиной посмотрел на своё оружие. Потом на Авелин. На Ардена. Снова на дубину.

Осторожно положил её на землю и сел рядом.

– Я просто мимо шёл, – сообщил он.

Невидимый узел ослаб. Главарь несколько раз открыл и закрыл рот, проверяя работоспособность. Потрогал губы пальцем. Изучил палец. Посмотрел на Авелин.

– Так, – сказал он наконец, вернув часть голоса и ещё меньшую часть достоинства. – Хорошо. Мы все поняли.

– Это очень хорошо, – заметил Арден. – Для вас.

– Это да.

Главарь поднял шляпу, осмотрел её и водрузил обратно на голову.

– В западную лощину не ходите, – сказал проводник. – Там болота и Кнорхи. Зверь не спросит, просто съест.

– Принято. – Бандит кивнул с видом человека, делающего запись в невидимом журнале. – Мы запомним.

Он повернулся к своим. Мужчина с дубиной успел подняться и снова держал её наготове, хотя сам не мог бы объяснить против кого. Крюк отцеплялся от дерева с достоинством человека, который делает это исключительно по собственной воле.

– Уходим, – объявил главарь.

Они ушли.

На повороте главарь обернулся, явно собираясь произнести нечто весомое. Открыл рот. Подумал. Закрыл. Махнул рукой и скрылся за кустами.

Последним удалился человек с дубиной.

Пока шаги не стихли окончательно, внутренние слоты отзывались один за другим пустотой. Три подготовленных решения за несколько мгновений. Ни жара в ладонях, ни усилия, ни времени на построение – только щелчок готовой конструкции и немедленный результат. Со стороны это должно было выглядеть лёгким.

Лёгким оно не было. Не потому, что причиняло боль, а потому, что слишком хорошо слушалось.

Можно было связать им ноги сильнее. Пережать дыхание.

Послать плеть не в запястье, а в горло. Внутри каждой Печати стояли ограничения, оставленные заранее и явно не случайно. Кто-то – возможно, она сама – потратил немало труда, чтобы быстрая сила не превращала любую встречу в казнь.

Эта мысль успокоила. Совсем немного.

– Вежливость, – сказала Авелин.

Улыбка пришла неожиданно – первая настоящая за несколько дней.

Капюшон вернулся на место сразу, как только бандиты исчезли. Движение получилось привычным, почти оружейным: убрать опасное после применения, не привлекая лишнего внимания.

Дорога снова приняла их.

Арден шёл впереди и молчал. Не обычным походным молчанием – это было молчание, внутри которого предмет осторожно рассматривали со всех сторон.

– Можно спросить? – произнёс Арден наконец.

– Спрашивай.

– То, что случилось с ними… Это магия?

– Нет. Я просто перестала скрывать то, на что люди и без того смотрят.

Арден некоторое время обдумывал ответ.

– Значит, обычно скрываешь?

– Стараюсь. Рядом со мной люди начинают путать собственное желание с моим. Потом злятся на себя и на меня.

– Меня тоже задело. Хотя я стоял за спиной и знал, чего

ждать.

– Знаю. Прости.

Проводник помолчал, затем кивнул.

– Неплохой способ. И очень убедительный.

Арден хмыкнул.

– Бертон говорил, что ты опасная. Я думал, он имеет в виду только таверну.

– Таверна тоже была. Но это другое. Там действовало тело. Само. Без меня.

Несколько десятков шагов прошли в тишине.

– Значит, в тебе две опасности, – сказал Арден. – Одна, которую контролируешь ты. И другая, которая контролирует тебя.

Ответа не последовало. Он был прав. И это оказалось хуже любого ошибочного предположения.

– Ты можешь отказаться вести меня дальше, – сказала Авелин.

Арден даже не замедлился.

– Могу.

– И?

– Четыре серебряных уже в кармане. Возвращать жалко.

Только через несколько шагов она заметила, что он улыбается.

– Кроме того, – добавил проводник, – опасный человек, который предупреждает об опасности, обычно надёжнее безопасного, который считает себя героем.

Это не было доверием. Но уже не было и простой сделкой.

Привал устроили на пригорке. Из земли здесь выступали серые камни, между ними цеплялись сухие корни, а с края открывался вид на долину – бледную в вечернем свете, с тёмной лентой леса вдали.

Арден собрал маленький костёр, не ярче большого светляка. Огонь прятался между камнями и почти не бросал света наружу. Над ним вскоре закипел котелок. В воду отправились сушёное мясо, горсть крупы, щепоть соли и связка ломких трав – всё без отмера, с уверенностью человека, который однажды уже испортил достаточно ужинов и сделал выводы.

Запах поднялся сразу: тёплый, с яблочной кислинкой и смолистой горечью.

– Что это? – спросила Авелин.

– Чай. Собственный рецепт.

– Пахнет хорошо.

– Запах – половина дела. Главное, чтобы после него хотелось идти дальше, а не лечь и больше не участвовать в жизни.

Он снял котелок, разлил настой по кружкам.

Первый глоток оказался терпким. Сладость задержалась у края языка, горечь ушла глубже, а следом по груди разошлось ровное тепло. Не лекарство. Но организм, похоже, воспринял его с благодарностью.

– Вкусный.

– Семейный рецепт.

Ели молча. Внизу по долине шёл вечерний туман, спра-

ва один раз ухнул филин и больше не подавал голоса, будто сказал всё необходимое.

Авелин подождала, пока разговор остынет вместе с чаем.

– Бертон объяснил, где стоят Тарнис, Вентурия и Доминион. Но чем они отличаются, кроме места на карте?

Арден коротко усмехнулся.

– Всем, что каждая сторона считает доказательством своего превосходства. Тарнис – это равнины, железо и длинные дороги. Там любят всё, что можно построить в ряд: дома, батареи, людей. Дисциплина у них почти религия. Опоздал на построение – тебя могут даже не наказать, просто пристыдят перед всем полком. Для тарниста это хуже плети.

Он подбросил в огонь тонкую ветку. Пламя проглотило её без вспышки.

– Вентурия выросла из старых городов, морских дорог и богатых земель. Верит в честь, род и право отдельного человека быть важнее устава. У них дуэль – не убийство, а способ поговорить. Могут зарезать друг друга из-за взгляда на чужую жену, и оба умрут с уверенностью, что поступили благородно.

– Значит, Глустон для Вентурии не просто мост и тракт?

– Для картографов – мост и коридор. Для тех, кто там живёт, – дома, мастерские и могилы. Государства предпочитают первое описание: его легче положить под приказ.

– И из-за этого люди умирают на восточной дороге?

– Из-за этого – в нынешней битве. Война старше. Причи-

ны у неё успели смениться несколько раз, а армии – нет.

– Бертон сказал, Доминион продаёт обеим сторонам всё, кроме верности.

– Верность тоже продаёт. Просто разным покупателям выдаёт разные расписки. Но главный товар – порядок. Южане умеют сначала назвать вещь, потом учесть, а потом решить, имеет ли она право существовать.

Ответы укладывались внутри аккуратно, по полкам, которые существовали без воспоминаний о том, кто и когда их построил.

За словами о государствах слышались не только армии и договоры. Тарнистский крестьянин всё равно чинил крышу до дождей. Вентурийская мать всё равно ругала сына за порванные сапоги. Доминионский счетовод, вероятно, по вечерам покупал детям засахаренные орехи, прежде чем вернуться к книгам, в которых деревни превращались в строки расходов. Мир не состоял из гербов. Гербы лишь умели громче прочих объяснять, почему обычным людям снова придётся хоронить своих близких.

Мысль была её собственной – не вспышкой памяти. Это неожиданно обрадовало. Значит, внутри оставалось место, где решения принимались сейчас, а не были оставлены прежней Авелин в готовом виде.

– Ты говоришь так, будто знаешь не по слухам.

Арден помолчал.

– Водил караваны. От фельдардских мостов до южных

портов. Несколько лет назад нанялся к доминионской комиссии. Они собирались упорядочить одну дорогу.

– Что значит упорядочить?

– Сначала то же, что и в любом разумном месте: переписать колодцы, мосты, селения, места для ночёвок. Я показывал обходы, старые тропы, деревни, которых не было на новых картах.

Чай в его кружке давно перестал дымиться, но Арден всё равно смотрел в него, будто на дне оставалось продолжение.

– Потом люди в чистых плащах провели на карте прямую линию. Одна деревня оказалась слишком близко к дороге и слишком далеко от их реестра. Её назвали неконтролируемой.

– Что с ней сделали?

– Навели порядок.

Два слова прозвучали спокойно. Именно поэтому внутри них поместилось больше, чем хотелось.

– Ты помог?

– Я дал им карту. Не зная, зачем она нужна. – Арден поднял взгляд. – Презрение – роскошь. У меня его там забрали вместе с желанием считать незнание оправданием.

– И ты ушёл.

– После того как понял, что они придумали слово «порядок» и начали называть им всё подряд. Когда вещь названа – её можно учесть. Когда учтена – контролировать. А если не контролируется, подлежит вырезанию.

Слово вошло между рёбер тонкой пластиной.

Белая колонна.

Запах железа.

Ладонь на лбу.

«Мы вырежем».

Пальцы стиснули кружку. Тёплая глина удержала настоящее, и образы погасли, не успев стать воспоминанием.

– Голова? – спросил Арден.

– Да.

Он протянул чай.

– Пей. Плохие сны надо запивать до того, как они решат стать хорошими знакомыми.

Настой по-прежнему был сладким у края и горьким внизу. Очень честный напиток. Пока Арден собирал посуду, Авелин закрыла глаза и обратилась внутрь. Там, где должна была лежать память, существовала другая карта.

На черноте проступила тонкая сеть контуров – не чертёж целиком, а отдельные знакомые участки, увиденные словно через толщу воды. Некоторые связи отзывались теплом, другие едва заметно ныли после недавнего исполнения. Пять подготовленных слотов оставались на своих местах, но содержимое было израсходовано.

Пустые помещения после ушедших жильцов. Стрела ушла на зайца. Купол отработал ночью, мягко отвёл тварь от костра. Немота закрыла рот главарю. Путы удержали Крюка у дерева. Плеть выбила нож из руки третьего.

Сами слоты не исчезли. В каждом оставались опорные связи и привычные пути для потока. Авелин узнавала назначение отдельных узлов по их отклику, но не видела, чем заканчивается весь путь и куда уходит цена исполнения. Печати требовалось восстановить, проверить и наполнить заново.

Первым стал Купол. На дороге сон без защиты быстро превращался в дорогую и недолгую привычку. Форма – сфера вокруг спящих. Входное условие – приближение чужого тела.

Реакция – мягкое отклонение, предупреждение, пробуждение при повторном воздействии. Запрет на смертельный ответ. Ограничение радиуса. Аварийное рассеивание при повреждении контура.

Жар от уголька лёг в ладонь. Не как топливо – как первый толчок, по которому структура узнала направление. Вязь потянулась тонкими нитями. Заряд собирался неспешно, капля за каплей, пока внутренняя сфера не стала тёплой и цельной.

Купол занял слот без сопротивления.

Стрела была проще. Игла. Дистанция. Вектор. Короткое проникновение без разрыва цели. Для охоты, не для боя. Опорная среда уже подходила, поэтому восстановление заняло меньше времени – будто конструкция помнила собственную форму и охотно возвращалась в неё.

Немота и Путы легли следом. Короткие, строгие печати. Первая работала со звуком, вторая – с удержанием и грани-

цей движения. Обе требовали малого заряда, но не прощали расплывчатых условий: где заканчивается голос, кого считать целью, когда отпустить, что делать при потере связи.

Последним оставался слот Плети.

Внутренняя среда ещё несла след прежней конструкции: быстрый импульс, направленный выброс, короткая линия возврата. Хорошее решение против одного оружия в одной руке. Дорога впереди обещала другое.

Лес. Стаю. То, что полезет сразу с нескольких сторон. Плеть в таком случае была аккуратным ответом на неверно заданный вопрос.

Старые связи пришлось снять частично, не трогая общие ограничители. На их месте начала складываться новая Печать – Кольцо огня.

Не одна функция.

Две.

Первый режим – точечный. Вспышка возникала только там, где цель пересекала заданную границу. Минимальный расход, короткое исполнение, никакого огня вокруг.

Второй – аварийный. Сплошная стена высотой в три метра, высокая температура, удержание до исчерпания заряда или ручного завершения.

Два поведения внутри одной конструкции требовали общего основания и раздельных ветвей. Главным было не дать им открыться одновременно. Авелин несколько раз перестраивала знакомый переход, пока тело не перестало отме-

чать напряжение на стыке. Чистым это решение казалось только в пределах тех узлов, которые она ещё могла различить.

Откуда взялось это решение, память не отвечала.

Руки отвечали.

Знали, где оставить запас. Где продублировать остановку. Где задать предел, ниже которого второй режим вообще не получит права на запуск.

Заряд набирался заметно дольше. Последние доли пришлось оставить пустыми: слишком мало дополнительной силы и слишком много отдачи. Она не умела ещё просчитать цену целиком, зато тело безошибочно узнавало границу, за которой начинало платить собой.

Новая Печать легла в подготовленный слот – тёплая, цельная, готовая ждать.

Работа не требовала силы в тот миг, когда Печать будет выпущена. Именно поэтому требовала сейчас всего внимания без остатка. Ошибка, спрятанная в подготовленном узле, на дороге уже не дала бы времени на исправление. Исполнение заняло бы долю вдоха – и послушно повторило бы ошибку так же точно, как верное решение.

Авелин прошла доступную часть конструкции ещё раз. Не торопясь: условие, развилку, ручной обрыв. Остальное закрывала процедурная память – надёжная в знакомом движении и немая там, где требовалось объяснение. Лишь после этого она позволила себе открыть глаза.

Когда глаза открылись, костёр уже осел до красных углей. В висках появилась лёгкая ноющая тяжесть – след долгой работы, не настоящая боль. Внутри ощущалось спокойное удовлетворение мастера, который проверил инструмент и не нашёл причины переделывать всё заново.

– Спим по очереди, – сказал Арден. – Я первый. Будить, если пойдут с факелами или зашуршит там, где ничего нет.

– Как это?

– Узнаешь.

Узнала.

Сон оборвался резко, словно кто-то дёрнул за спрятанную нить.

Под ладонью была холодная влажная земля. В воздухе висел кисло-гнилой запах с химической нотой прокисшего масла. Из темноты приближался звук – не шаги и не шелест. Низкое, влажное чавканье, будто по лесу волокли мешок с костями, забыв завязать его как следует.

Арден уже стоял, держа нож низко.

– Не шевелись. И глубоко не вдыхай.

Между деревьями что-то двигалось.

Низко. Широко. Перетекая через корни, как чёрный студень. Не одно тело – множество тонких существ, слипшихся в общий ком. Влажная поверхность поблёскивала в слабом свете углей, то проваливаясь внутрь, то выбрасывая наружу короткие жгуты.

– Латмения, – одними губами сказал Арден. – Чёрная. По-

везло: красная хуже. Родилась из тьмы, тёмная магия её только кормит. Огонь не любит. Был бы с нами маг огня – одним ударом закрыл бы вопрос.

Заряженный слот отозвался тёплой готовностью – не мыслью и не подсказкой, а инструментом, узнавшим задачу.

– Назад, – сказала Авелин и шагнула к приближающейся массе.

Первый режим сработал в момент пересечения границы.

Короткая вспышка ударила точно в передний край Латмении. Часть чёрного кома осела пеплом, воздух наполнился запахом горелого жира. Остальное отпрянуло и завыло сразу множеством тонких голосов, каждый из которых будто принадлежал отдельному рту.

Но остановки не произошло.

Масса потекла вбок, обошла выжженное место и снова двинулась вперёд. Единой воли у неё не было – только общий голод, разделённый на тысячи тел.

Точечного режима оказалось мало.

Понимание пришло раньше, чем успела оформиться мысль. Внутренняя развилка открыла вторую ветвь. Переход лёг тяжело, шире – уже не укол, а развёрнутая плоскость.

– Назад!

Земля вспыхнула по всей длине.

Не тонкая дорожка пламени – сплошная стена по грудь, ревущая, оранжево-белая у основания. Жар ударил в лицо даже с нескольких шагов. Воздух над огнём задрожал и вы-

гнулся прозрачным стеклом.

Арден застыл на один удар сердца.

Он видел магов. Хороших. Дорогих. С академическим образованием и такими гонорарами, что за них можно было купить деревню вместе с трактиром и плохой репутацией. Любому из них для смены характера заклинания потребовались бы новые слова, новая концентрация, иногда новый контур на земле.

Здесь ничего не изменилось снаружи. Один запуск продолжился другим заранее подготовленным исполнением. Огонь просто стал иным.

Проводник стряхнул изумление и метнулся к фляге с маслом.

Латмения врезалась в стену. Передние тела пытались отступить, задние продолжали давить. Чёрная масса горела слоями и всё равно ползла, потому что не понимала смерти как единого события. Каждый отдельный червь знал лишь направление и голод.

– Масло! – крикнул Арден, разбрызгивая содержимое вдоль слабых мест.

Пламя поднялось выше.

Вой стал тоньше, почти вышел за предел слуха. Авелин удерживала исполнение и чувствовала, как опустошается заряд – ровно, непрерывно, будто из открытой жилы уходит не кровь, а тепло.

Через минуту, может, две, всё закончилось.

Стена осела. Свет сжался к земле и погас.

На поляне остались обугленные жгуты, серый пепел и несколько уцелевших щупалец, уползавших в темноту слишком медленно, чтобы снова стать угрозой.

Тишина легла густо, как дым.

В этой тишине потрескивало то, что ещё недавно двигалось. Запах был хуже вида: сладковатый, мясной, с горечью сгоревшей болотной тины. Авелин отвернулась слишком поздно. Желудок свело. Пришлось упереться ладонью в колено и переждать, пока тело решит, что ужин всё-таки останется внутри.

Арден молча подал флягу.

– Не пей, – предупредил он. – Просто рот прополощи.

Она послушалась. Вода сразу стала тёплой и металлической на вкус; пришлось выплюнуть её в пепел.

– Маги в рассказах после такого обычно красиво смотрят на огонь.

– В рассказах не пахнет.

– В этом их главное преимущество.

Руки опустились.

Слот внутри был пуст. Не повреждён – просто выработан до конца, ещё тёплый после исполнения, как чашка, из которой только что выпили всё до последней капли.

– Быстро, – произнёс Арден, рассматривая пепелище. Голос звучал чуть напряжённее обычного. – Ты говорила: «пара приёмов».

– Говорила. От слов не отказываюсь.

Земля слегка качнулась. Не боль – усталость после слишком долгого разговора, в котором нельзя было сбиться ни на одном слове.

Проводник всмотрелся в её лицо.

– Как ты?

– Нормально. Пройдёт.

– Садись. Я подежурю ещё немного.

– Нет. Я в порядке. Сейчас моя очередь.

Несколько секунд он взвешивал упрямство против усталости. Упрямство победило без особого торжества.

Арден улёгся на плащ и уснул почти сразу – как человек, который любит жизнь, но умеет доверять чужому слову.

Авелин осталась у дерева.

Пустой слот тянул тупой слабой болью, похожей на ощущение отсутствующего зуба: самого уже нет, а язык всё равно возвращается к месту. В кармане холодный диск мерно бился о бедро.

Дни потянулись бусинами – похожими издали и разными, если взять каждую в руку.

Наутро Арден перестал просыпаться от каждого её движения. Через день начал передавать флягу, не проверяя, сколько воды осталось. Ещё через день без слов оставил ей спиной тот край привала, откуда удобнее всего было ждать нападения.

Доверие на дороге не произносили вслух. Его измеряли

простыми вещами: кто идёт первым в незнакомую воду, кому оставляют последний сухой трут, рядом с кем позволяют себе спать глубже одного вздоха.

Авелин отвечала тем же. Замечала, когда проводник начинал прихрамывать, и предлагала привал до того, как он попросит. Не спрашивала про длинный белый шрам у него под ухом. Проверяла Купол дважды – один раз для себя, второй для человека, который пока делал вид, будто не боится её.

Арден учил коротким «если».

Если под ногой пружинит – не шагай: под тонким дёрном может лежать трясина.

Если птицы молчат – кто-то уже заставил их замолчать и, возможно, всё ещё рядом.

Если следы уходят на камень и там исчезают – тебя ведут, а не уходят. Случайно теряют след один раз из десяти. Остальные девять обычно заканчиваются неприятным знакомством.

Рассказывал он не столько о державах, сколько о земле под ногами.

На второй день впереди показалась выжженная полоса холмов. Ни высокой травы, ни молодых деревьев – только сероватая почва и редкие кусты, похожие на проволоку.

– Сушь, – сказал Арден. – Пятнадцать лет назад здесь стоял лес. Тарнисты выжигали крепость.

– Где она?

– Вот примерно в этом и проблема. Крепости давно нет, а земля до сих пор не поняла, что бой закончился. Говорят, ещё лет пятьдесят ничего толком не вырастет.

– А люди?

– Ушли. Кто остался, живёт по краям. Торгует с путниками и ищет в развалинах то, что ещё можно продать или применить в хозяйстве.

На третий день дорога вывела их к старому каменному мосту. По обеим сторонам стояли фигуры, стёртые дождём и ветром до бесформенных силуэтов. Лица исчезли, короны превратились в бугры, но кладка держалась – ровная, плотная, без провалов.

– Мост Трёх Королей, – сказал Арден.

– Их было трое?

– Четверо, если верить летописям. Но пролётов три, и людям понравилось, когда цифры сошлись. Факты редко получают право испортить хорошее название.

Авелин провела пальцами по нагретому камню. Поверхность была гладкой, почти живой от сохранённого солнца.

– Кто строил?

– Инженеры Фельдарда. Ещё когда континент не делился на три силы. Делали на совесть: мосту три века, а он крепче некоторых новых.

Слово «Фельдард» снова отозвалось лёгким уколом. Не болью – узнаваемостью, как собственное имя, услышанное в чужом разговоре.

За мостом деревни стали редеть, потом исчезли совсем.

Последняя стояла в стороне от тракта и смотрела на путников пустыми окнами. Двери были сняты с петель, колодезный ворот валялся в траве, на пороге одного дома сохранилась детская зарубка роста – пять коротких линий, последняя выше предыдущей на ширину ладони. Ушли отсюда давно, но крапива ещё повторяла очертания огородов.

Арден не свернул к домам.

– Чума? – спросила Авелин.

– Налог.

Одного слова оказалось достаточно. Война умела опустошать селения и без солдат.

К вечеру лес сомкнулся плотнее. Стволы стояли плечом к плечу, подлесок переплетался в тёмную стену. Земля пружинила под сапогами. Пахло грибами, мокрой корой и ржавчиной.

Тишина здесь была собранной.

Птицы молчали не от отсутствия, а будто из уважения к чему-то, что умело слушать лучше них.

– Осторожно, – почти беззвучно сказал Арден. – Здесь слишком тихо. Кнорх любит такие места: близко, темно, неожиданно.

– Кнорх?

– Хищник. Быстрый. Шкура довольно крепкая, может удержать удар топора, обычные раны затягиваются на глазах. Одно уязвимое место – узел под правой лопаткой, размером

с монету. Рубить его можно хоть весь день, только он не дает такой возможности.

– Как его обычно убивают?

– Обычно не убивают. Обычно от него бегут. Быстро, не оглядываясь и не уточняя дороги.

Смеркалось. Пора было искать ночлег.

Арден оглядывал местность методично, выбирая между плохим и менее плохим.

– Там, – сказал он наконец, кивнув в сторону прогалины. – Ручей рядом. Земля сухая. Сойдёт.

Поляна выглядела почти нарочно удобной. Правильный овал, плотный подлесок по краям. С одной стороны – колючий кустарник, через который не прошёл бы даже заяц. С двух других деревья стояли так тесно, что превращались в изгородь. Единственный проход находился там, где они вошли.

На границе прогалины Авелин остановилась.

Между лопаток прошёл холодок. Не мысль – царапина ощущения, чужой взгляд, которого ещё не успели увидеть.

– Стой.

Арден замер на полушаге. Не спросил. Несколько секунд слушал лес, затем его лицо изменилось.

– Да. Мне тоже не нравится.

– Подозрительно удобное место.

– Слишком удобно.

Теперь на поляну смотрел не усталый путник, ищущий

место для сна, а человек, считавший пути отхода.

– Один вход. Плотный лес по бокам. Колючка сзади. Хорошее место для привала. Отличное – для засады.

Понимание пришло раньше окончания фразы.

– Нас сюда вели.

– Похоже на то.

Арден начал отступать к проходу, держа нож низко.

За подлеском, в двух десятках шагов, что-то лежало неподвижно уже больше часа.

Оно сопровождало их с полудня. Не приближалось. Не показывалось. Только присутствовало на границе чувств и понемногу направляло добычу туда, куда требовалось. Место было выбрано заранее: узкий вход, плотные стены с трёх сторон, сухая земля, обещающая безопасность.

Кнорх не любил догонять. Он любил ждать там, откуда бежать некуда. Добыча остановилась у входа. Заподозрила. Плохо. Не смертельно. Ждать он умел.

Под красно-чёрной шкурой напряглись мышцы.

– Уходим, – сказал Арден. – Медленно. К тропе.

Они успели сделать три шага.

Кнорх вылетел из темноты.

Красно-чёрное блестящее тело. Голова, похожая на собачью, но лишённая шерсти и всяких признаков родства с домашним зверем. Три хватких пальца на каждой лапе. Ни одного плавного движения – только рывки, каждый длиной в половину удара сердца.

Стрела покинула слот почти мгновенно.

Игла вошла в плечо твари, развороти в его и оставив неровную дыру. Края раны сошлись на глазах, шипя розовой пеной.

Не тот инструмент.

Слишком быстрое тело. Слишком живучее для одиночного прокола.

– Не туда, – бросил Арден. – Спина. Правая лопатка. Ниже.

Арден уже двигался навстречу, нож против клыков.

Дрался он хорошо – коротко, экономно, без красивых жестов. Так сражаются люди, которых учила не школа, а годы, когда ошибка не сопровождалась замечанием наставника. Кнорх отступил на полшага, зашёл сбоку, сменил угол. Арден держал линию, но противник не уставал и боль воспринимал как временную помеху.

Меч Бертона вышел из ножен – надёжный, хороший клинок, неправильный для этого боя.

Первый удар рассёк воздух. Кнорх ушёл легко, будто заранее знал длину стали. Второй замах оказался ещё медленнее. Тварь нырнула под лезвие и когтями чиркнула по предплечью.

Кожа разошлась, как бумага.

Боль плеснула горячим.

Меч внезапно стал бревном – слишком длинным, тяжёлым, запаздывающим на четверть секунды. В обычной схват-

ке четверть секунды могла быть ошибкой. Здесь она была приговором.

Кнорх почувствовал слабину. Развернулся. Прыгнул.

Удар о землю выбил воздух из груди. Меч выскользнул из пальцев. Над лицом раскрылась пасть, пахнущая горячей кислой кровью.

Секунда.

Меньше.

Страх пришёл целиком, без красивых мыслей и достоинства. Животный, древний: сейчас будет больно; сейчас всё закончится.

И вместе со страхом, нелепо и ясно, возникло сожаление. Не о прошлом – его у неё не было. О яблоке у городских ворот. О терпком чае. О мече, который Бертон отдал без просьб и условий. О нескольких днях, оказавшихся единственной жизнью, которую она могла назвать своей.

Этого было слишком мало. Что-то щёлкнуло – глубже, чем в трактире, окончательнее.

Маска легла изнутри, и мир сразу стал медленным, ясным до последней детали. Видны были капли слюны между клыками. Напряжение правой лапы. Смещение веса. Точка, куда упадёт грудь твари.

Меч был лишним.

Пальцы нашли стилет – лёгкий, узкий, созданный не рубить, а находить.

Тело ушло из-под падения боком. Движение вышло рез-

ким, почти судорожным, первым шагом танца, смысл которого знали мышцы, но не сознание. Стилет полоснул по боку Кнорха на излёте.

Неглубоко, но достаточно, чтобы пошла кровь.

Тварь взвыла и развернулась быстрее, чем позволял её размер. Авелин там уже не было. Танец начался.

Сначала – рваный, дёрганый. Короткие уходы в сторону, приседания, шаги под лапу в последний миг. Стилет оставлял на шкуре небольшие точные линии. Каждая рана была слишком мала, чтобы остановить Кнорха, но появлялась раньше, чем успевала закрыться предыдущая.

Зверь злился. Бросался. Находил воздух.

Потом ритм изменился.

Движения стали более плавными, почти торжественными – как в медленном придворном танце, где ошибка партнёра заранее вписана в следующий шаг. Кнорх не терял скорость телом. Он терял уверенность. Раз за разом цель оказывалась не там, где должна была быть.

Стилет входил и выходил прежде, чем взгляд успевал проследить путь.

Порезы ложились не случайно. Один мешал сократиться мышце. Второй заставлял беречь лапу. Третий открывал старую рану, не давая регенерации завершить работу. Система восстановления начала путаться в собственных ответах.

Рычание Кнорха изменилось. В ярости появилась нота отчаяния. Раны множились быстрее, чем зарастали.

Арден стоял в стороне с опущенным ножом: войти в этот танец означало стать лишней целью.

Последний бросок вышел слепым. Рывок отчаяния, без расчёта.

Авелин ушла с линии одним лёгким шагом, развернулась вокруг своей оси – и стилет вошёл под правую лопатку. Точно в узел, где нервная петля удерживала всю регенерацию вместе.

Кнорх обмяк в середине прыжка. Рухнул тяжело, без всякого изящества, которым были полны последние минуты его жизни. Лес замолчал.

Где-то высоко вспорхнула потревоженная птица. Звук пришёл с опозданием, словно обычный мир стоял за дверью и не решался войти, пока всё не кончится.

Авелин медленно выпрямилась из полуприседа. Стилет оставался в руке. На пальцах – ни капли крови, хотя запястья были красными почти до локтей.

Шаг назад.

Наклон головы.

Лёгкий изгиб спины – жест, который тело выполнило прежде, чем сознание успело спросить зачем.

Реверанс.

Арден не издал ни звука. Нож оставался в опущенной руке.

– Ты как? – спросил он наконец.

Маска сползала медленно, слой за слоем. Один удар серд-

ца. Второй.

– Я? – Голос вернулся живым, немного растерянным. – Почти хорошо. Руку задел.

Три параллельные царапины на предплечье кровили заметно, но выглядели неглубокими. Досада пришла раньше боли – рукав был испорчен.

Первым делом Авелин подняла меч.

Тяжёлый, неудобный в этой схватке, брошенный в траву. Сталь легла на ладони бережно. С лезвия были сняты листья, край проверен пальцем, ножны приняли клинок без стука.

Арден наблюдал дольше, чем требовалось.

Кровь на траве темнела быстро. Кнорх уже не выглядел невозможным хищником – просто тяжёлой мёртвой плотью с неудобно вывернутой лапой. Именно это оказалось самым неприятным. Несколько мгновений назад он хотел жить не меньше, чем она. Разница состояла лишь в том, чьё тело лучше помнило, как оставить другого лежать.

– Дай руку.

Возражений не последовало.

Арден оторвал полосу чистой ткани и перевязал предплечье. Пальцы у него были твёрдые, рабочие. Движения – осторожные.

– Царапина. До свадьбы заживёт.

– До какой свадьбы?

Уголок губ дрогнул.

Проводник затянул узел, но не отпустил руку сразу.

– Каждый порез гнал его под правую лопатку, – сказал Арден. – Ты не искала слабое место. Ты вела его туда.

– Тело знает больше, чем я.

– Значит, его учили.

Авелин посмотрела на спокойные руки.

– Или вырезали.

Слово прозвучало не как метафора.

Навык не просто вложили. Его вырезали внутри – аккуратно, слой за слоем, с тем же мастерством, с каким стилет только что находил слабые места чужой плоти. Движения, последовательности, решения. Всё работало без разрешения сознания.

Без неё.

Арден не спросил кто, как и зачем.

Этим помог сильнее любого вопроса.

Он только снял с пояса маленькую фляжку, плеснул на ткань и начал стирать кровь с её запястий. Жидкость щипала порезы, о существовании которых Авелин не знала.

– Это не моя кровь, – сказала она.

– Знаю. Лучше промыть, может ещё где раны есть.

Пальцы вдруг задрожали. Совсем мелко. Не в бою – теперь, когда дрожь уже ничего не могла испортить.

Арден заметил и сделал вид, что занят узлом на перевязи.

– Страх после драки – нормальный порядок вещей, – произнёс он. – Страх до драки мешает. Во время помогает. После требует плату.

– А если его нет?

– Плата придёт. Так или иначе.

Авелин посмотрела на мёртвого Кнорха и поняла: другая она, та, что танцевала, не исчезла. Просто снова закрыла дверь изнутри.

– Идём, – сказал он. В голосе появилась новая осторожность, но не страх. – Кровь привлечёт тех, кого лучше не встречать.

Ночевали под грядой низких холмов. Трава там была жёсткой, ветер – чистым, а небо впервые за дорогу раскрылось целиком и показало звёзды.

Диск лежал в ладони, холодный и немой.

За закрытыми глазами снова возник зал.

Белые колонны.

Тени в плащах.

«Мы вырежем».

И другой голос – не холодный. Знакомый до боли, но по-прежнему лишённый имени.

– Ты не сможешь убить каждого, кого придётся убить. Научись оставлять живых, если хочешь остаться человеком.

Кто это сказал, память не вернула. Но слова легли на внутреннюю пыль, как вода на горячий камень.

Металл так и не согрелся в ладони. Сон пришёл мягко.

Утро ударило в глаза ясным, честным светом.

Привал свернули быстро. Дорога спустилась с холмов к низине, где, по словам Ардена, должен был стоять старый

мост через реку, почти съеденную временем.

За последним изгибом не оказалось ни моста, ни воды.

Их встретило поле боя.

* * *

Главарь узнал троих сразу – не по лицам, которых не видел, а по тому, как они шли.

Не как люди.

Как нечто, решившее временно притвориться людьми ради удобства.

Ночь стояла беспросветная. Трое приближались без факелов, в тёмных плащах, не задевая веток. У костра стих даже треск поленьев – или так только показалось.

Крюк попытался отступить к кустам. Привычка сработала раньше мысли.

Не успел.

У костра сидел и тот самый человек с дубиной. Дубина лежала поперёк коленей, рядом грелись мокрые сапоги. Несколько часов назад он хвастался, что непременно найдёт оброненный нож и продаст втрое дороже. Теперь смотрел на гостей и медленно, очень осторожно, убирал ладони подальше от оружия.

Трое не обратили на это внимания. Так не замечают мебель.

У каждого из троих под плащом висел одинаковый амулет

с тёмно-красным камнем. Возле костра камни отозвались разом; под прозрачными пластинами дрогнули тонкие линии.

– След свежий, – сказал первый. – Совпадение сохраняется.

Второй посмотрел на людей у огня.

– Женщина. Куда пошла?

Главарь поднялся с поспешностью, которую сам называл деловой смёткой.

– На юг. К Глустону. С проводником.

Третий присел перед ним на корточки.

– Что запомнил?

– Лицо. Зелёные глаза. И то, что могла убить нас, но отпустила.

Красные амулеты уже подтвердили знакомый след. Человек добавил то, чего камни знать не могли.

Этого оказалось достаточно.

Главарь успел подумать о женщине с зелёными глазами. Они могли бы напасть снова. Могли полезть за кошелём, получить огонь или сталь, умереть на дороге – глупо, но по правилам ремесла. Вместо этого она оставила им лица, пальцы и возможность стать умнее.

Эти трое возможности не оставляли.

Крюк закричал первым – коротко, оборванно.

Главарь понял причину только через секунду. Этой секунды хватило и для другого понимания: они не убивали быстро.

Быстро – это милосердие.

Милосердие здесь не предусматривалось.

Утро нашло на поляне только холодный пепел, притоптанную траву и тишину, после которой даже вороны не спешили прилетать.

Трое продолжили путь на юг.

Ровно. Без спешки.

Так идут те, у кого уже есть всё необходимое и осталось лишь прийти вовремя.

Глава 3. После битвы

Запах пришёл раньше, чем открылся вид.

Сначала потянуло кислой гарью и перегретым железом. Потом к ним примешалась сладковатая тяжесть крови – густая, тёплая даже на расстоянии. Авелин сделала ещё несколько шагов и почувствовала, как горло само пытается стать у́же.

За последним холмом земля провалилась в широкую низину.

Когда-то здесь росла трава. Теперь от неё остались редкие клочья по краям. Остальное втоптали сапоги, копыта, колёса тяжёлых телег и металлические ноги автоматонов. Глина была изрезана колеями и воронками, вздута взрывами, исполосована чёрными подпалинами. Там, где магия ударила особенно сильно, почва спеклась в мутное стекло. Серое небо отражалось в нём криво, словно и оно не хотело смотреть прямо.

Люди лежали повсюду – не как в песнях, некрасиво, не с мечом в руке и лицом к солнцу.

Один лежал лицом в грязи. Другой сидел у сломанного колеса, привалившись плечом к ободу, будто устал и решил передохнуть. У третьего тело осталось у края воронки, а рука – в нескольких шагах, рядом с перевёрнутым барабаном. Двое тарнистских пехотинцев лежали почти вплотную к вен-

турийскому офицеру, словно в последний миг все трое обнаружили: государственные границы не доходят до смерти.

Кони лежали хуже людей. Эта мысль пришла первой и оказалась самой невыносимой: люди хотя бы могли выбирать, кони – нет.

У ближайшего серого мерина упряжь всё ещё стягивала грудь. Ремни разрезали кожу, одно оглобельное кольцо застряло под телом. Кто-то успел снять седельные сумки, но не потратил времени на то, чтобы распрячь мёртвое животное. На морде запеклась белая пена. Большой тёмный глаз остался открытым и отражал небо – ровно, без обвинения.

Авелин вдруг вспомнила не событие, а движение: ладонь, скользящая по тёплой лошадиной шее; короткий нажим коленом; живое ухо, повернувшееся на голос. Тело знало лошадей. Возможно, любило.

От этого поле стало личным.

– Неделя? – спросила Авелин.

Голос получился тише, чем хотелось.

Арден присел у глубокой вмятины, коснулся края засохшего следа и посмотрел на мух.

– Два дня. Может, три. Кровь ещё не почернела. Личинок мало. И вороны держатся по краям.

– Почему?

– Здесь ещё ходят живые.

Вороны действительно не суетились. Сидели на копьях и сломанных древках знамён плотными чёрными каплями.

Одна – крупная, с блестящими перьями – повернула голову, изучила путников круглым глазом и каркнула один раз. Сухо. Почти официально.

Арден поднялся и долго смотрел на низину.

– Глустон за той грядой, – сказал он. – Восточные укрепления города стоят у реки. Тарнисты не смогли взять их прямо и попытались пройти севернее, перерезать тракт и выйти к мосту сбоку.

Он указал на глубокие колеи, сходившиеся к центру поля.

– Тяжёлые машины вошли клином отсюда. Пехота за ними. Вентурийцы отдали им середину, потом закрыли края. Видишь тела по дуге? Там была вилка.

Авелин видела.

Тело само соединяло следы невидимыми линиями. Где наступление ускорилось. Где строй распался. Где люди поверили, что прорвали оборону, а через несколько минут поняли – их пропустили намеренно.

– Кто победил?

Арден посмотрел на неё.

– Если приходится спрашивать – никто.

Ветер сдвинул край разорванного знамени. Ткань хлопнула один раз и снова обмякла.

– Тарнисты ушли обратно на восточную дорогу. Вентурийцы – за стены своего города. Первые не получили мост. Вторые удержали его ценой людей, которых уже некем заменить. Обе стороны напишут, что сохранили главное. Поле

осталось тем, кто не умеет читать сводки.

Авелин опустила взгляд.

Рука мёртвого солдата всё ещё сжимала рукоять меча. Пальцы держали металл так крепко, будто в нём оставалось не оружие, а последняя вещь, которую человек узнавал.

– Не смотри долго на лица, – сказал Арден.

– Почему?

– Запомнишь.

Совет прозвучал поздно.

Лиц было слишком много. Молодые. Старые. Испуганные. Злые. Пустые. Некоторые уже перестали быть лицами. Другие сохранили последнюю мысль яснее, чем живые люди сохраняют первую.

Мальчишка лет семнадцати лежал на спине с открытыми глазами. Обеими руками сжимал ремень полевой сумки; костяшки побелели и после смерти.

Авелин отвернулась.

Поздно.

Он уже остался внутри.

Арден начал спуск первым. Шёл неспешно, выбирая твёрдую землю, обходя тела и тёмные лужи с привычной осторожностью человека, который уважает не смерть, а её последствия.

Авелин пошла следом и сразу заметила, что выбирает путь иначе. Не самый чистый – самый безопасный. Обходит места, где земля вспучилась вокруг невидимых центров. Не

наступает на оборванные серебристые нити, почти утонувшие в грязи. Держится подальше от оружия, лежащего слишком правильно, словно его положили, а не бросили.

Поле было полно ловушек, которые никто не ставил намеренно. Недогоревшие формулы. Повреждённые накопители. Защитные контуры, потерявшие хозяев, но не последнее условие. После битвы магия продолжала воевать сама с собой.

– За мной. Ничего не трогай.

– Оружие?

– Особенно оружие.

Ближайший меч лежал поперёк колеи. Широкий пехотный клинок, грубый, с зазубренным краем. Рядом – обломок копья и круглая металлическая пластина, рассечённая трещиной от края до центра.

От неё тянуло холодом.

Не настоящим – воздух оставался тёплым. Холод ощущался глубже, там, где тело распознавало работающую конструкцию раньше разума.

– Внутри что-то осталось.

Арден остановился.

– Где?

Авелин указала на пластину.

Проводник присмотрелся, не подходя ближе.

– Щитовой узел. Вентурийцы ставят такие на офицерские группы. Иногда после боя вязь ещё держится. Трофейщики

на них пальцы оставляют. Лучше не трогать.

Трещина казалась обычной лишь с расстояния. Вблизи вокруг неё дрожал едва заметный перекос. Контур не был снят. Ограничитель повреждён. Остаток энергии оставался заперт и искал выход, а каждая новая минута делала путь всё менее предсказуемым.

Дело было не в силе конструкции. Она была недописана – и потому опаснее.

– Её можно разрядить, – произнесла Авелин.

– Зачем?

Пальцы уже почти нашли тонкий жест. Снять напряжение. Развести остаток в землю. Закрыть повреждённый край прежде, чем тот сам выберет направление.

Взгляд прошёл дальше по полю.

Таких пластин были десятки. Обломков – сотни.

– Пустая трата времени. Устанешь быстро, пользы нет.

– Согласна.

Они продолжили путь.

Под сапогами хлюпала грязь. Сначала хотелось верить, что это ночной дождь. Через несколько шагов верить стало трудно, и Авелин перестала смотреть вниз чаще необходимого.

В центре поля стоял автоматон.

Вернее, то, что от него осталось.

Тарнистская машина возвышалась над людьми почти вдвое. Латунная грудь была разорвана, решётка смята

внутрь, одна рука лежала отдельно. Вторая продолжала держать тяжёлый клинок, больше похожий на часть крепостных ворот. Голова повернулась к дороге. Пустая маска без глаз смотрела туда, куда теперь никто не наступал.

Внутри что-то щёлкало.

Редко.

Сухо.

Щёлк.

Пауза.

Щёлк.

– Живой? – спросила Авелин.

– Нет. Остаточный ход. Может щёлкать неделю, может час. Не подходи.

– Почему?

– Однажды видел, как такой «мёртвый» отрубил трофейщику ногу. Посмертное чувство долга, видимо.

Клинок в руке машины оставался поднят под правильным углом.

– Он всё ещё ждёт приказ.

– Или не получил отмену.

Фраза легла неприятно точно.

Не получил отмену.

Трактир. Чужая ладонь на запястье. Щелчок. Раз. Два. Три. Четыре. Пауза.

Тело тоже не ждало приказа.

Оно ждало условия.

Если схватили – освободиться.

Если угрожают – сократить расстояние.

Если оружие – лишить оружия.

Если цель опасна – убить.

Если следующая цель…

Поле исчезло на миг за холодной ясностью последовательности.

– Авелин?

Арден стоял в трёх шагах. Без тревоги, но внимательно.

– Я здесь.

– Это хорошо. Не отвлекайся.

Автоматона обошли по широкой дуге.

Низина становилась глубже и грязнее. В одной из воронок лежали трое магов. По одежде – вентурийцы: синие плащи, серебряная вышивка, тонкие перчатки, слишком дорогие для обычной пехоты. Один лежал на животе. Второй свернулся на боку. Третий сидел, согнувшись, будто получил удар в живот и не успел выпрямиться.

Землю вокруг покрывал иней.

Утро было тёплым.

– Они замёрзли изнутри, – сказала Авелин.

Арден помолчал.

– Видел такое после северных школ. Сначала думал, магия красивая. Потом познакомился ближе.

Иней лежал неправильно. Не расходился от центра, а образовывал слои, похожие на годовые кольца дерева. Закли-

нание строили долго. Трое держали общую структуру. Один сбился – от раны, страха или чужого удара. Остальные не успели разорвать связь. Холод вернулся по общему контуру и нашёл самые короткие пути.

Не враг их убил.

Собственная работа.

– Они ткали вместе.

– Что?

– Заклинание. Один потерял ритм. Остальные не успели отсоединиться.

Арден посмотрел дольше обычного.

– Ты это видишь?

– Да.

– А я вижу троих мёртвых людей.

Авелин заставила себя посмотреть на лица.

– Я тоже.

Это было не совсем правдой.

Перед глазами стояла ошибка исполнения. Неправильный разрыв. Слишком длинная общая связка. Отсутствие аварийного отделения. Слова не вспоминались – они жили внутри сухими, точными выводами и почти раздражённым знанием.

Так не делают. Так нельзя. Так погибают не от силы противника, а от собственной уверенности, что успеют удержать всё вручную. Холод прошёл по спине сильнее окружающего инея.

– Пойдём, – сказал Арден. – Здесь уже все закончилось.

На южном краю поля начались живые.

Сначала Авелин решила, что ошиблась.

Между телами шёл человек. Медленно, согнувшись, будто на плечах лежал невидимый мешок. Старик в сером кафтане и грязных штанах. Сапоги увязали в глине почти до голени. Шапка съехала набок, но поправлять её не было сил. В одной руке он держал короткую палку, в другой – тряпичную ленту, потемневшую от земли и старой крови.

Старик подходил к мёртвым и переворачивал их. Не всех. Только молодых.

Брался за плечо, ремень или край плаща. Осторожно поворачивал. Наклонялся ближе. И каждый раз на миг оживал – совсем немного. В глазах вспыхивала жалкая, упрямая надежда, как огонёк на мокром ветру.

– Не он, – говорил старик.

И шёл дальше. Следующее тело. Повернул. Посмотрел.

– Не он.

Ещё одно.

– Не он.

Арден остановился.

Никто из полевых команд не отгонял старика. Видимо, таких здесь было слишком много, чтобы тратить на них слова. Люди искали своих среди тех, кого война уже свела в общий итог.

У разбитой телеги лежал молодой солдат. Лицом вниз, од-

на рука под грудью, другая вытянута в сторону. На рукаве – грязная синяя нашивка. Волосы слиплись от крови и дождя.

Старик замер.

Палка выскользнула из пальцев и упала в грязь почти без звука.

Колени сгибались медленно, будто не слушались, а ломались под тяжестью. Обе руки легли на плечо мёртвого. Тело перевернулось не сразу.

Сначала показалась грязь.

Потом губы.

Нос.

Закрытые глаза – спокойные, почти детские.

Старик смотрел.

Надежда уходила с лица постепенно. Не погасла – выгорела слой за слоем, как угли под мокрой золой. За несколько вдохов он постарел лет на десять. Щёки осели. Глаза покраснели.

Слёз не было. Возможно, всё, что могло течь из человека, высохло ещё по дороге сюда. Ладонь прошла по щеке сына неловко, осторожно, словно старик боялся его разбудить.

– Сынок, – выдохнул он.

Не крикнул. Не заплакал. Слово просто вышло из груди и упало между ними в грязь.

Авелин отвернулась первой. Арден молчал.

Старик наклонился и прижался лбом к холодному лбу сына. Так и застыл – человек, который наконец нашёл то, ради

чего пришёл, и теперь не знал, зачем идти обратно.

По полю прошёл ветер. Где-то рядом каркнула ворона. Только тогда от дороги донеслись голоса.

– Сюда! Держи его!

– Не за руку, плечо открыто!

– Воды!

– У кого чистая ткань?

– Этот уже нет. К следующему!

Там работали лекари.

Полевые команды двигались между телами с рваной поспешностью. Люди в серых и бурых халатах, с повязками на рукавах, переходили от одного раненого к другому. Кто-то нёс носилки. Кто-то ставил метки. Кто-то складывал оружие отдельно, чтобы человек, пришедший в себя от боли и страха, не закончил чужую работу.

Два низких автоматона с широкими спинами таскали ящики с бинтами. Медленно. Безошибочно. Равнодушно.

У дороги стояли повозки. На первой лежали раненые, слишком тихие. На второй – те, кто ещё стонал. Третью накрыли брезентом.

Из-под края торчала босая ступня. Маленькая. Женская или подростковая – не разобрать.

Арден не торопил.

К ним подошёл человек в грязном сером халате. Волосы прилипли ко лбу, рукава были закатаны, руки по локоть покрывала кровь разных оттенков – свежая красная поверх уже

потемневшей.

Взгляд скользнул по Ардену, задержался на Авелин и вернулся к фляге у пояса проводника.

– Вы с юга?

– С севера.

Лекарь поморщился.

– Тогда плохо. С юга хотя бы бинты иногда несут. Вода есть?

Арден молча снял флягу.

Благодарности не последовало. Не от грубости – она требовала лишнего дыхания, а здесь даже дыхание распределяли по необходимости.

Лекарь присел у ближайшего раненого и приподнял ему голову.

– Медленно. Не глотай как утка, подавишься.

Парень пил жадно. Вода текла по подбородку, смешивалась с грязью и кровью. Флягу отняли раньше, чем хотелось.

– Жить хочешь – слушай.

– Не хочу, – прохрипел раненый.

– Потом решишь. Сейчас у меня очередь.

Лицо было почти детским. Живот перевязан плохо, ткань уже темнела. Нога ниже колена лежала под углом, который не оставлял сомнений: кость сломана.

Лекарь заметил взгляд Авелин.

– Не смотрите так, госпожа. Красивые глаза делу не помогут.

Колени сами коснулись земли.

– Повязка держит плохо.

Он замер на долю вдоха.

– Я в курсе.

– Если оставить так, до повозки он истечёт.

– У меня две руки и восемьдесят человек, которым они нужны. Если у вас есть третья и четвёртая – милости прошу.

Пальцы уже тянулись к сумке. Решения помочь не было. Руки приняли его раньше.

Нож. Ткань. Узел. Не сверху – ниже.

Давление не на рану, а на сосуд. Не перекрывать полностью: ткань умрёт до города. Подложить валик. Изменить угол. Зафиксировать так, чтобы повозка не разрушила всё на первой яме.

Лекарь наблюдал две секунды. Потом без слов подал чистую полосу.

– Туже.

– Если туже, он потеряет ногу.

– Ногу уже почти потерял.

– Не потерял.

Слова прозвучали спокойно. Без вызова.

Мужчина посмотрел в зелёные глаза, затем коротко кивнул.

– Тогда делайте по-своему.

Раненый зашипел и выгнулся.

– Держи его.

Арден присел без вопросов, прижал парня за плечи.

– Спокойно. Она выбирает, с чем ты доедешь до города: с ногой или без.

– Чего? – выдохнул раненый.

– Не дёргайся. Постарайся потерпеть.

Последний узел лёг на место. Пульс ниже повязки был слабым, но оставался.

– Теперь можно везти.

Лекарь проверил работу.

– Где учились?

Простой вопрос.

Пустой ответ.

– Не помню.

Усталое лицо на миг тронула хриплая усмешка.

– Хорошее место. Научили здорово.

Мужчина уже повернулся к следующему раненому.

– Если не спешите, помогите ещё с тремя.

Арден посмотрел на спутницу.

– Мы спешим?

Поле. Повозки. Дорога к Глустону. Всё требовало спешки – и всё же рядом оставались люди, которым помощь была нужнее, чем им несколько выигранных часов.

– Не настолько.

Они остались.

Арден снял плащ, свернул его и подложил под голову раненому, которого уже нельзя было переносить. Потом молча

отдал лекарю запасную рубаху на полосы. Ткань была хорошая, плотная. Проводник посмотрел, как нож превращает её в бинты, и только вздохнул.

– Дорого? – спросила Авелин, затягивая очередной узел.

– Уже нет.

Так на поле менялась цена вещей. Серебро становилось тяжёлым и бесполезным. Чистая тряпка – состоянием. Полная фляга – властью над несколькими следующими минутами чужой жизни.

Время стало другим.

Не дорожным.

Не походным.

Не боевым.

Рваным. Человеческим.

Повязка.

Вода.

Жгут.

Не трогать.

Держать.

Дыши.

Не закрывай глаза.

Нет, этого уже нельзя.

Следующий.

Авелин работала молча. Поначалу уверенность рук пугала сильнее крови. Потом страх отступил. Не исчез – просто встал за спиной и перестал мешать.

Арден был прав: лица запоминались.

Раны – нет.

Они становились задачами. Рука. Нога. Плечо. Живот. Что можно спасти. Что уже нельзя. И самое тяжёлое – где нельзя, но человек ещё смотрит и ждёт, что ему солгут.

Тело знало не только как убивать.

Эта мысль возникла между двумя повязками и едва не выбила воздух из груди. Те же пальцы, которые находили сухожилия и сосуды ради короткого, окончательного движения, теперь находили их, чтобы остановить кровь. Знание было одним. Направление – разным.

Впервые с трактирной драки внутри появилось не оправдание, а выбор. Навык не требовал убийства. Он просто не различал милосердие и жестокость, пока различие не задавала сама Авелин.

Возможно, человек определялся не тем, что умело его тело, а тем, для чего он соглашался это использовать.

С ложью было хуже всего.

Пленных складывали отдельно, под присмотром двух вентурийских стражников. Оружие и ремни у них забрали, но серые халаты не спрашивали знамени, пока человек ещё дышал. Война вернёт имена и стороны позже. Здесь сначала решали, кого вообще можно вернуть.

Тарнистский солдат с обгоревшей половиной лица схватил Авелин за рукав.

– Я дойду?

Дыхание было слишком мелким. Губы серели. Под рёбрами при каждом вдохе что-то двигалось неправильно.

Нет.

– До повозки.

Он понял сразу.

Пальцы разжались.

– Тогда воды.

Фляга коснулась губ. Солдат пил маленькими глотками – дисциплинированно даже здесь, в грязи и среди мух.

– Красивое, – сказал он вдруг.

– Простите?

– Лицо.

Ответа не нашлось.

Уцелевший уголок рта приподнялся.

– Жалко, не туда смотрел всю жизнь.

Глаза закрылись. Авелин хотела сказать что-нибудь. Не успела. Возможно, так было лучше.

Лекарь вернулся, когда солнце поднялось выше и запах над полем стал гуще.

– Всё. Тех, кто дотянет, увезут. Кого не удержали сейчас, уже не удержим. Вы идите.

Влажная тряпка прошлась по рукам. Сначала стала розовой. Потом красной. Потом бесполезной.

Под ногтями кровь засохла тонкими тёмными полумесяцами. На костяшках выступили ссадины от тугих узлов, плечи налились тупой тяжестью. До этого Авелин не замеча-

ла усталости. Теперь тело предъявило счёт целиком: жажда, дрожь в коленях, ноющая спина, пустой желудок.

Ни одна боль не казалась лишней. Живые имели право уставать.

– Сколько их? – спросила Авелин.

Лекарь посмотрел на поле.

– Живых?

Уточнения не последовало.

Он понял.

– Слишком мало для победы. Слишком много для поражения.

Арден тихо хмыкнул.

– Значит, как обычно.

Взгляд лекаря стал внимательнее.

– Ты служил?

– Нет.

– Врёшь плохо.

– Экономлю талант.

Усталый смешок продержался секунду.

– В городе скажете у ворот, что помогали в северной низине. Может, пропустят быстрее.

– А может? – спросила Авелин.

– А может, нет. Глустон сейчас глотает всё подряд, но уже давится.

Поле осталось позади не сразу.

Оно тянулось за ними запахом, грязью на сапогах, липко-

стью на пальцах. Кровь не хотела отмываться. Авелин тёрла ладони травой, потом водой, снова травой. Краснота уходила.

Ощущение – нет. Дорога к Глустону становилась шире. И тяжелее.

Сначала появились отдельные люди.

Женщина с узлом за спиной и спящим ребёнком на руках. Старик, ведший козу на верёвке. Два мальчика тянули по сухой земле подобие саней – две доски, связанные ремнями. На них лежала женщина, мать или старшая сестра, слишком бледная, чтобы спрашивать.

Потом пошли телеги. За ними обозы. И стало ясно: дорога больше не принадлежит путникам. Она принадлежала войне.

От города двигались пустые повозки, похоронные команды, солдаты, телеги с хлебом и бочками воды. К городу везли раненых, бинты, железо, стрелы, лекарские травы. Люди текли в обе стороны, как кровь по повреждённой жиле: одна часть к сердцу, другая от него, и ни одна не могла остановиться.

Говорили мало.

– Воды нет?

– Восточный госпиталь принимает?

– Третью роту не видели?

– Мальчик, лет девятнадцати, шрам на подбородке…

– Где хоронят вентурийцев?

– Где всех.

– Глустон далеко? – спросила Авелин, когда дорога начала подниматься.

– Ближе, чем хотелось бы.

– Почему?

– Большие города издалека красивее.

Он оказался прав.

К вечеру стены поднялись над равниной – высокие, серые, с башнями и флагами. За ними виднелись крыши, шпили, верхушки мостовых сооружений. В дымке Глустон выглядел почти величественно. Камень. Зубцы. Несколько колец укреплений. Настоящий большой город, не деревянный приграничный узел с остановившимися часами.

Авелин замерла у края дороги.

На миг стало легче.

Город означал порядок. Людей. Архивы. Мастерские. Возможно, ответы.

Диск в кармане оставался холодным.

Потом ветер изменился.

И принёс запах.

Не поля.

Другой.

Свежая кровь. Дым. Пот. Кислая вода из переполненных канав. Варёная крупа. Лекарские травы. Гной. Горелая шерсть. Железо.

Очень много железа. Город был красив только издалека.

Перед воротами стояла очередь. Не торговая. Не праздничная. Не караванная. Очередь из боли.

Телеги с ранеными. Пешие солдаты с перевязанными головами. Люди на костылях. Женщины с детьми. Монахи с носилками. Два автоматона, испачканные до пояса, несли широкую деревянную раму, на которой лежали четверо. Один ещё двигал пальцами.

Остальные – нет.

У ворот кричали.

– Раненых к восточной арке!

– Мёртвых через главные не везти!

– У кого жетоны – влево!

– Без документов ждать!

– Лекаря сюда!

– Не толкай! Куда тащишь, у него живот открыт!

Город не встречал.

Город переваривал.

На стенах стояли автоматоны-стражи. Пустые латунные маски смотрели вниз на толпу. У ворот работали люди в серых куртках. По лицам было видно: день и ночь давно стали для них одной сменой. Один проверял документы. Второй ругался с обозником. Третий сидел на перевёрнутой бочке, закрыв голову руками.

Никто его не трогал.

Справа от дороги прямо в поле вырос временный лагерь. Палатки. Костры. Ряды бочек. Полевые кухни. Верёвки с

сохнущими бинтами. Столы, на которых резали не хлеб.

Авелин отвернулась поздно. На одном столе лекарь пилил человеку ногу. Не из жестокости. Потому что иначе тот умрёт. Человек не кричал. Это было хуже. Он кусал ремень и смотрел в небо с выражением человека, занятого очень трудной работой.

Арден встал рядом.

– Добро пожаловать в Глустон.

Авелин медленно повернула голову.

– Это город?

– Сейчас – госпиталь. Сам город где-то внутри. Если повезёт, найдём.

Где-то за воротами могли починить вещь, которая сама не умела подсказать ни шага.

Авелин сжала деревянный край сумки.

– Пойдём.

Арден поправил ремень меча.

– Хороший план. Короткий.

– Остальное придумаем внутри.

– Вот теперь узнаю дорогу.

Улыбка почти появилась. Почти. Они встали в очередь. Город начал медленно приближаться.

Очередь двигалась мучительно медленно.

За время, которое требовалось одной телеге, чтобы добраться от последнего изгиба дороги до первого поста, успевали смениться два носильщика, трижды позвать лекаря и

один раз вынести из потока человека, которому ворота уже не были нужны.

Колёса скрипели. Лошади переступали в грязи, тяжело поводя боками. Кто-то стонал под пропитанным кровью брезентом. Кто-то ругался – негромко, без прежнего запала, просто чтобы не молчать.

Стражник у первого поста просматривал документы механически.

Измождённое лицо посерело от недосыпа. Под глазами лежали тёмные круги. На щеке засохла полоска чужой крови; вытереть её он то ли забыл, то ли давно перестал замечать. Бумаги переходили из рук в руки, печать опускалась на них с одним и тем же сухим стуком.

Принял.

Отказал.

К восточной арке.

Влево.

Следующий.

Когда очередь наконец донесла до него Авелин и Ардена, стражник протянул ладонь, даже не подняв головы.

– Бумаги.

– Нет бумаг, – ответил Арден. – Потеряны в дороге.

Рука осталась вытянутой ещё на мгновение, будто смысл слов дошёл не сразу. Потом взгляд всё-таки поднялся. Усталый – но не глупый.

Сначала стражник осмотрел Ардена: дорожный плащ,

оружие, сапоги, слишком привычные к дальней дороге. Затем Авелин. Капюшон, лёгкий доспех, меч Бертона, засохшая кровь под ногтями, которую не взяла ни вода, ни трава.

– Без документов нельзя.

– Мы пришли с севера, – сказала Авелин. – Помогали в низине. С полевыми лекарями.

– Все так говорят.

– Спросите у лекарей, – вмешался Арден. – Главный был в сером халате. Рукава закатаны, руки по локоть красные. Имени не спросили – не до того было.

Стражник прикрыл глаза.

Не раздражённо. Скорее так, будто внутри головы уже стояла очередь из чужих объяснений, а места для ещё одного не осталось.

– Половина мародёров тоже в крови по уши, – сказал он. – Это не документ. Это просто грязь.

За спинами недовольно загудели люди. Кто-то попросил не задерживать очередь. Ребёнок заплакал на одной ноте – тонко, устало, без надежды, что его успокоят.

Стражник махнул рукой в сторону обочины.

– Отойдите. Следующий.

Поток сразу начал выдавливать их вбок. Арден сдвинулся на полшага, прикрывая Авелин от колеса ближайшей телеги.

Город был рядом. За камнем, стражей и несколькими словами, которых у них не имелось.

И тогда из грохота колёс и людского гула донёсся голос:

– Эй!

Слабый. Хриплый.

Но настойчивый.

– Эй, у ворот! Стойте!

Телега с ранеными медленно катилась вдоль очереди к восточной арке. Одно колесо было разбито и при каждом обороте припадало набок, заставляя весь кузов вздрагивать. Между перевязанными телами кто-то пытался подняться.

Парень с забинтованной ногой. Тот самый, которого Авелин перевязывала первым. Он приподнялся на локте, побледнел от боли и всё равно вытянул руку в её сторону.

– Это она! – крикнул он. – Вот эта женщина!

Стражник обернулся.

– Она мне ногу спасла! Чуть калекой не остался!

– Лежи, а то опять пузо бинтовать придётся.

По телеге прошёл слабый смех. У одного раненого он сразу перешёл в кашель.

Парень поморщился, переждал толчок колеса и снова указал на Авелин.

– Там, в низине! Артерию перетянула. Все уже решили, что ногу не спасти, а она сказала: «Не потеряет». И оказалась права.

– Уверен, что это она?

– Да чтоб я такое лицо забыл!

На этот раз рассмеялись даже двое носильщиков. Негромко, на один вдох – но живо. Здесь, у ворот, этого оказалось

достаточно, чтобы люди на мгновение вспомнили, как вообще звучит смех.

Парень снова закашлялся. Сосед уложил его обратно, придерживая за плечо.

– Я её видел, – подал голос другой раненый. – У серого лекаря работала.

– И проводник с ней был, – добавил третий. – Воду давал.

Телега двинулась дальше. Парень успел ещё раз махнуть рукой, затем его заслонили носилки и спина возницы.

Но слова остались.

Стражник перевёл взгляд на пальцы Авелин. На засохшую кровь под ногтями. На узкую полосу ткани, торчащую из сумки.

Подозрение не исчезло полностью – люди, долго стоящие у военных ворот, редко позволяют себе такую роскошь. Но жёсткая складка между бровями стала мягче.

Он достал две узкие деревянные бирки.

– Имена.

– Авелин.

– Арден.

Перо коротко заскрипело.

– Временный вход. До завтрашнего заката отметитесь в пункте регистрации Северного округа. Не отметитесь – бирка станет щепкой, а вы окажетесь снаружи. Если повезёт, через ворота.

На каждой дощечке лёг свежий оттиск.

Стражник протянул их владельцам и уже собирался махнуть следующему, но задержал руку.

Стражник посмотрел на Авелин ещё раз – теперь не на незнакомку без документов, а на человека, который вытаскивал раненых.

– И… спасибо, – произнёс он неохотно, будто слова давно не использовались и плохо слушались. – За тех, кого вытащили.

Авелин сжала деревянную бирку.

– Не всех удалось.

– Здесь никому не удаётся всех.

Он отвёл взгляд.

– Проходите. Следующий!

Под сводами ворот было прохладно. Камень поглощал наружные крики, превращая команды носильщиков, скрип колёс и плач в тяжёлый гул, который дрожал где-то внутри стен.

Поток подхватил их сразу.

Остановиться оказалось невозможно: сзади напирали телеги, впереди торопились солдаты, сбоку автоматон протискивался с ящиком лекарских принадлежностей, мерно повторяя металлическим голосом:

– Освободить проход. Освободить проход.

Арден убрал бирку за пазуху.

– Не потеряй. Без неё нас быстро познакомят с наружной стороной стены.

Авелин сжала свою в ладони. Дерево ещё хранило тепло пальцев стражника и пахло свежими чернилами. Впереди светлел выход из ворот. За ним шумел город.

Не тот, который был виден с дороги – с башнями, шпилями и высокими стенами. Другой. Настоящий. Они вышли из тени арки. Глустон открылся перед ними.

Над аркой со стороны города сохранился старый рельеф: трое каменных мастеров передавали друг другу циркуль, молот и ключ. Ни меча, ни короны. Когда-то Глустон, вероятно, гордился тем, что его строили. Теперь под ногами мастеров прибили список госпиталей, а на каменном ключе сушилась чья-то выстиранная повязка.

Город не исчез под войной. Он приспосабливался к ней тем же упрямством, с каким старые дома держали надстройки, трубы и поздние балконы. В окне второго этажа женщина поливала герань, пока внизу проносили носилки. Булочник выносил хлеб к утренней очереди. Две девочки мелом чертили на стене классики между дверью лазарета и бочкой с уксусом.

Именно эта обычность ранила сильнее всего. Жизнь не остановилась, чтобы признать ужас происходящего. Ей приходилось продолжаться рядом.

Первым ударил не вид, а запах.

Уксус. Щёлок. Горькие лекарственные настои. Дым. Мокрая солома. Кипячёное полотно. И под всем этим – ровный, неотступный дух госпиталя, который не выветривался даже

на открытом воздухе.

Первая улица оказалась не улицей, а бесконечным коридором из наспех сколоченных навесов, реквизированных складов и телег. Над дверями висели новые дощечки поверх старых вывесок: шерсть стала перевязочной, винный склад – лазаретом, школа писцов – казармой для носильщиков.

По сточным канавам текла мутная вода с розоватым оттенком. Прачки работали под навесом, не разгибая спин. В огромных котлах кипели бинты. У стены штабелями лежали пустые гробы, слишком новые и слишком одинаковые.

– Куда теперь? – спросила Авелин.

Арден щурился, читая указатели, намалёванные прямо на дощатых стенах.

– Стражник сказал: пункт регистрации Северного округа. Без него бирка завтра станет сувениром, а мы – двумя нарушителями комендантского часа.

– Он говорил, где это?

– Нет. Но, судя по толпе, нам туда же, куда и всем.

Плотный ручеёк людей сворачивал между двумя складами. Они пошли следом.

Здание оказалось бывшим складом шерсти. Старую вывеску никто не снял; поверх неё прибили новую:

«ПУНКТ РЕГИСТРАЦИИ. СЕВЕРНЫЙ ОКРУГ».

Внутри пахло пылью, старой шерстью и чернилами. За длинными столами сидели писари с воспалёнными от недосыпа глазами. Перья скребли бумагу. Печати с одинаковым

сухим стуком опускались на бирки и пропуска. Монотонность сама по себе казалась формой отчаяния.

Очередь здесь была короче госпитальной. Но ненамного. Когда очередь наконец довела их до стола, писарь протянул раскрытую ладонь.

– Бирки.

Арден положил перед ним обе.

Писарь повертел дощечки, сверился с записью в толстой книге и макнул перо.

– Имена?

– Арден. Авелин.

– Цель визита?

– Проездом. На юг.

– Сколько намерены оставаться?

– Недолго, – ответила Авелин.

Писарь наконец поднял глаза. Взгляд скользнул по мечу Бертона, дорожному плащу Ардена, засохшей грязи на сапогах – и не задержался ни на чём. За этот день он, вероятно, видел людей и подозрительнее.

– Ворота разрешили вам войти. Город разрешает остаться на трое суток.

Печать с сухим стуком легла сначала на одну бирку, затем на вторую.

– По истечении срока либо продлеваете регистрацию здесь, либо покидаете Глустон. Патрули проверяют выборочно. С просроченной биркой объяснения слушают уже за сте-

ной.

– Понятно, – сказал Арден.

Писарь перевернул страницу.

– Место проживания?

Они переглянулись.

– Пока не выбрали.

Перо остановилось над бумагой.

– До завтрашнего заката сообщите адрес. Постоялый дом, гостиница, частное жильё – без разницы, лишь бы хозяин подтвердил. Без адреса регистрация неполная.

– А если покинем город раньше?

– Отметитесь у Южных ворот.

– А если не найдём жильё?

Писарь посмотрел с выражением человека, которому предложили лично решить проблему существования городской бедноты.

– Тогда будете искать его снаружи.

Из очереди за спиной донёсся недовольный гул.

– Следующий!

Их оттеснила следующая пара: солдат с перевязанной рукой и местная женщина, тащившая за верёвку упирающегося козла. Козёл идти не собирался и, судя по выражению морды, считал городскую регистрацию грубым нарушением своих наследственных прав.

Печать дала им три дня в Глустоне. Кровати, еды и места в городе она не обещала.

Глава 4
Меры и узлы

Войти в Глустон оказалось проще, чем найти в нём свободную кровать.

Снаружи воздух показался почти свежим, хотя по-прежнему пах уксусом, дымом, мокрой соломой и горькими травами.

– Трое суток. Неплохо.

– До завтрашнего вечера нужен адрес.

– Это хуже. Но решаемо.

Авелин посмотрела на вывески ночлежек и постоялых дворов. Поверх старых цен белели свежие цифры, написанные мелом. Старые никто не стирал – просто перечёркивали и ставили рядом новые, каждый раз выше.

– Сколько здесь стоит комната?

– Сейчас узнаем.

– Ты не знаешь?

– Когда был здесь в последний раз, Глустон ещё не пытался разместить внутри себя армию, госпиталь и половину приграничья.

Пальцы сами нашли кошель. Медь легла на ладонь лёгкой, почти насмешливой горстью. Двадцать шесть монет. Серебра не было.

Четыре монеты, отданные Ардену за неделю пути, казались теперь состоянием из другой жизни. Там, в маленьком городке, за одну серебряную Бертон давал горячую еду, постель и даже позволял устроить поножовщину без дополнительной платы.

– У меня только медь.

Арден взвесил собственный кошель.

– Значит, сегодня плачу я.

– Это будет долг.

Слово вышло неприятным.

Пугал не сам долг. Страшнее было зависеть от человека, которого она знала несколько дней, и не иметь ничего своего – ни прошлого, ни дома, ни документов, ни денег. Только имя, оружие и умения, происхождение которых пугало сильнее голода.

Арден достал собственный кошель и взвесил на ладони.

– Шестнадцать серебряных. Шесть медных.

– Включая то, что я заплатила?

– Деньги редко сохраняют биографию после попадания в кошель.

– Арден.

– Включая.

Он затянул шнурок.

– На крышу хватит. На еду тоже.

– Без срока?

Арден задумался с серьёзностью человека, которому

предложили определить точную границу между дождём и плохой погодой.

– Если тебе так спокойнее – долг. Без срока и процентов.

Авелин ссыпала медь обратно.

– Я верну.

– Не сомневаюсь.

Ответ прозвучал настолько просто, что спорить стало не с чем.

– Но сначала найдём место, где нас не выставят ночью за неспособность оплатить воздух в комнате. А потом подумаем о достоинстве и независимости. Ими особенно приятно заниматься после ужина.

Первая гостиница стояла напротив регистрационного склада.

Трёхэтажный каменный дом с широкой вывеской: серебряный олень на синем поле. В окнах горел ровный свет, ступени были вымыты, у входа дежурил мальчишка в чистой куртке. Среди грязи, телег и госпитальных навесов здание выглядело почти неприлично благополучным.

Под основной вывеской висела доска:

«КОМНАТЫ ЕСТЬ».

Ниже мелом:

«ВОСЕМЬ СЕРЕБРЯНЫХ. УЖИН ОТДЕЛЬНО».

Ещё ниже, другим почерком:

«ОБЩИЙ ЗАЛ – ДВА СЕРЕБРЯНЫХ С ЧЕЛОВЕКА».

Арден прочитал надпись дважды.

– Может, восемь за неделю? – спросила Авелин.

– Мне нравится твой оптимизм.

Из гостиницы вышел мужчина в дорожном плаще. Следом слуга вынес сундук, затем второй. У обочины ждала закрытая карета. На дверце золотом блестел герб, а в руке хозяина мелькнула монета, брошенная мальчишке у входа без единого взгляда.

Золотая.

Для кого-то восемь серебряных действительно не были ценой. Так, небольшая плата за то, чтобы не слышать стоны с улицы слишком отчётливо.

Арден толкнул дверь.

Внутри пахло горячим воском, жареным мясом и сухой одеждой. За стойкой стояла женщина в строгом тёмном платье. Волосы были собраны так туго, будто распущенность начиналась с причёски и неизбежно заканчивалась неоплаченным счётом.

– Комната на двоих? – спросил Арден.

– Десять серебряных с человека.

Он оглянулся на доску за дверью.

– Там восемь.

– Было утром.

– А сейчас?

– Сейчас вечер.

Взгляд хозяйки задержался на оружии и бинте Авелин.

– Оплата вперёд. Ужин – двенадцать медных с человека.

Горячая вода отдельно. Ванна – серебряная.

– Общий зал?

– Заполнен.

– Конюшня?

– Для лошадей.

– Разумная политика, – признал Арден. – Благодарю.

На улицу они вышли под взглядом хозяйки, которая явно не считала, что потеряла достойных клиентов.

– К вечеру цена выросла на четверть.

– Значит, завтра нас попросят доплатить за вчерашний воздух.

У второго постоялого дома свободных мест не оказалось. В третьем предлагали две койки в общем зале за пять серебряных – без ужина и без гарантии, что утром у жильцов останутся сапоги.

Арден отказался.

– Сапоги у меня хорошие, – объяснил он на улице. – Не готов включать их в стоимость проживания.

Они двинулись дальше, туда, где над складами поднимались массивные арки старой внутренней стены.

Под ними Глустон изменился.

Госпитальный шум не исчез – отступил на несколько улиц и смешался с обычной жизнью. Каменные дома поднялись выше. На первых этажах открывались лавки, над ними теснились окна жилья. Из пекарни тянуло горячим хлебом. Напротив аптекарь выставлял в витрину зелёные бутыли, пока

у двери женщина в дорожном платье торговалась за порошок от лихорадки.

Главная улица оказалась такой широкой, что по середине одновременно проходили две телеги и колонна ремонтных автоматонов. Гражданских прижимали к краям. Вывески висели в два ряда: гостиницы, кофейни, рестораций, магазины готового платья, книжные лавки, меняльные дома, конторы перевозчиков.

Город жил.

И именно поэтому война выглядела здесь ещё неприличнее.

У входа в книжную лавку висело объявление о розыске наборщиков. Рядом – список погибших работников типографии. В цветочной лавке не осталось цветов, зато продавались венки из лавра и сухой полыни. Часовщик выставил на подоконник табличку: «Военным семьям – починка в долг». Кто-то приписал ниже: «Вернём после победы». Ещё ниже чужая рука добавила: «После какой?»

Надпись пытались стереть. Вопрос остался виден.

За чистым окном кофейни двое офицеров склонились над картой, размешивая сахар в тонких чашках. На ступенях снаружи беженка предлагала прохожим обручальное кольцо в обмен на хлеб. Портной выставил рядом детское пальто и три новых мундира. Ювелирская лавка принимала семейные украшения по цене лома.

У рестораций в золотой рамке висело короткое меню. Ря-

дом носильщики ставили на мостовую носилки, пропуская карету с гербом старого вентурийского дома.

На перекрёстке доминионский приказчик в белом плаще спорил с возчиком о страховой отметке на бочках масла. Чуть дальше южный купец раскрыл ящик специй; запах шафрана и горячего перца на несколько шагов перебил кровь и дым. В оружейной витрине лежал узкий изогнутый клинок, привезённый через Великий Океан, – чужая работа, лёгкая и опасная даже на вид.

Авелин замечала всё и одновременно другое: посты, перекрёстки, высоту крыш, дренажные решётки, фонари на одинаковом расстоянии, автоматонов, распределённых по маршрутам так, чтобы ни один участок не оставался без обслуживания. Тело собирало карту выхода прежде, чем разум успевал назвать улицу.

Арден смотрел на город иначе. На людей, слишком долго стоявших у одной витрины. На руки под плащами. На трактиры, возле которых не было местных. На переулки, где фонарь почему-то не горел, хотя соседний сиял исправно.

– Ты здесь действительно бывал, – сказала Авелин.

– Несколько раз. До войны.

– Что изменилось?

– Раньше на этой улице ругались из-за цены на шёлк. Теперь – из-за койки и бинтов. Музыка была громче. Люди тише.

– А ты что здесь делал?

– Водил доминионские караваны через мост. Специи на запад, инструменты на юг, фельдардские книги туда, где их запрещали и потому особенно хорошо покупали.

Он посмотрел на фасад старой гостиницы, половину которой занимала военная канцелярия.

– Знал одно место под внутренней стеной. «У Трёх Гвоздей». Дешёвое, шумное, зато хозяин не считал воздух отдельной услугой, без клопов. Если ещё существует, переночуем.

– А если нет?

– Тогда начнём уважать общий зал и тесное соседство.

У края академического квартала улица снова изменилась.

Здесь стало меньше вывесок с едой и больше узких витрин, заставленных инструментами. Аптеки. Алхимические мастерские. Переплётчики. Лавки, где продавали медную проволоку, стеклянные сферы, мерные пластины и камни питания. За высокими оградами виднелись корпуса академии – светлый камень, арочные окна, башни без единого декоративного зубца. Красота здесь подчинялась назначению.

Из открытого окна молодой голос в четвёртый раз начал одну и ту же формулу с первого слова.

Авелин замедлила шаг.

– Он ошибается, слишком тянет слог.

– Учится, – ответил Арден.

– Усердия недостаточно, нужно понимание.

– Заучить до зуда в скулах – тоже метод.

Ученик снова сбился на середине. За окном что-то стукнуло, преподаватель сухо потребовал начать сначала.

Авелин слушала с лёгким недоумением.

Вся работа выполнялась во время исполнения. Каждый раз заново. Структура держалась голосом, вниманием, памятью. Малейшая ошибка возвращала человека к первому слову.

Авелин попробовала мысленно повторить услышанный фрагмент. Слова ложились в правильном порядке, но ощущались непривычно громоздкими – как если бы плотник каждый раз выращивал дерево, прежде чем сделать табурет. Академический маг строил действие в настоящем, при свидетелях, под угрозой любой запинки. Печать позволяла вынести всю сложность в часы подготовки, зато потом уже не спрашивала, изменилась ли обстановка.

Оба пути требовали мастерства. Оба по-разному наказывали за самоуверенность. Не неправильно. Просто тяжело.

Перед лавкой механиков грузчики снимали с телеги ящик камней питания. Один выскользнул из соломы, ударился о мостовую и треснул.

Реакция оказалась мгновенной.

– Фонарь гаси! – заорал мастер.

Пламя над дверью накрыли колпаком. Люди отступили. Треснувший камень подхватили длинными щипцами и опустили в ящик с сухим песком. Из тонкой белой линии на оболочке просачивался фиолетовый свет.

Арден остановился рядом с Авелин.

– Настолько плохо?

– Трещина дошла до накопительного слоя.

– И что будет?

– Возле огня? Ба-бах.

– Люблю точные объяснения.

Они успели пройти ещё один квартал. Потом весь Глустон вдохнул разом. Сначала зазвенели стёкла.

Не громко. Тонко, на одной высокой ноте, будто тысячи бокалов по всему городу коснулся мокрый палец.

Фонари вспыхнули белым.

Автоматон посреди улицы замер, подняв ногу, и застыл в нелепом равновесии. Над дверями аптек одновременно погасли защитные знаки. Лошади рванули упряжь. Из академического двора донёсся крик:

– Разорвать связь! В нижний отвод! Быстро!

По мостовой прошла дрожь.

Не земная. Глубже.

Слоты Авелин отозвались сразу – пять коротких ударов внутри, один за другим. Предохранительные связи сомкнулись, отделяя подготовленные конструкции от чужого потока. На миг стало трудно дышать, словно тело само затворило все двери и ждало, пока снаружи пройдёт пожар.

Над академией поднялся тонкий столб бледного света. Кто-то выкрикнул последнее слово формулы. Свет исчез. Город выдохнул.

С крыш посыпались голуби. Некоторые пришли в себя ещё в падении и судорожно раскрыли крылья над самой мостовой. Люди поднимались с колен, проверяли детей, считали целые окна.

Глустон пережил происшествие с опытностью старого больного: выругался, проверил, что ещё работает, и продолжил жить.

Авелин достала диск. Сапфир оставался тёмным, стрелка – неподвижной.

– Хоть он не сошёл с ума, – сказал Арден.

– Для этого ему пришлось бы сначала работать.

Корпус был цел. Значит, нужен мастер, способный понять, почему целая вещь молчит.

* * *

На восточной дороге трое остановились одновременно.

Красные камни вспыхнули на всех трёх амулетах – и сразу захлебнулись городским выбросом. Сотни обычных контуров подняли сплошной шум; тонкий след Печати растворился в нём.

– Глустон, – сказал первый.

– Дальше камни бесполезны.

Башни едва виднелись в дождевой дымке.

– Через ворота вместе не идём. Ищем свидетелей, лекарей, ночлег без документов.

Третий уже менял дорожный плащ на серую куртку возчика.

Они разошлись, не прощаясь.

* * *

– Нужен мастер, – сказала она.

– Сначала крыша. Даже молчащий диск можно разбирать только там, где дождь не льёт внутрь.

– Потом мастер.

– В таком порядке у плана появляется шанс дожить до утра.

«У Трёх Гвоздей» существовал. Просто теперь над старой вывеской висела ещё одна, написанная на куске ящика: «МЕСТ НЕТ». Арден всё равно вошёл.

Внутри было тесно, шумно и пахло тушёной капустой. За столами сидели механики, возчики, двое учеников академии и семья беженцев, занявшая угол вместе с узлами и спящим ребёнком. Хозяин, низкий седой мужчина с плечами бывшего грузчика, сначала покачал головой.

Потом узнал Ардена.

– Живой?

– Сам удивляюсь.

– Давно не видел.

– Суета, пыль дорог, новые пути.

Хозяин посмотрел на Авелин, на оружие, на бинт, потом

снова на Ардена.

– Комнат нет.

– Чердак?

– Там крыша течёт.

– Сколько?

– Три серебряных за двоих. Похлёбка включена. Если дождь усилится, таз дам бесплатно, заодно и умыться будет чем.

Арден положил монеты на стойку.

– Вот за это я и уважаю тебя, строгий прагматизм.

– Ты никого здесь не уважал. Только чарку с крепким элем.

– Её особенно.

Хозяин внёс имена в гостевую книгу, поставил рядом номер городской регистрации и выдал дощечку с адресом. Её следовало отнести писарю до следующего вечера; за две медные мальчишка при трактире обещал сделать это утром сам.

Адрес появился. Крыша тоже – условно. После горячей похлёбки мир стал немного терпимее. Хозяин выслушал описание диска, почесал седую щетину и назвал имя:

– Севея Ранн. Лавка «Меры и узлы», в ремесленной дуге. Чинит то, на что нормальные мастера сначала смотрят, потом закрывают дверь. Дорого. Ругается бесплатно и довольно умело.

– Откроется утром?

– Если академия сегодня не сожгла ей половину инстру-

ментов. Выброс был оттуда. Уже не в первый раз.

Ночью диск лежал на столе. Сапфир не светился, стрелка не дрожала даже тогда, когда по крыше ударил порыв ветра.

Перед сном Авелин проверила слоты. Стрела оставалась пустой после Кнорха, Кольцо огня – после Латмении. На полноценную перестройку не хватало ни сил, ни тишины, поэтому она восстановила только простую охотничью конструкцию. Опорные связи малого слота были целы. Оставалось проверить ограничитель, замкнуть короткий маршрут и запустить накопление.

Сон пришёл поздно.

Заряд собирался медленно, почти незаметно. К утру Стрела снова лежала в слоте – тёплая, готовая и достаточно простая, чтобы не требовать от памяти ничего лишнего.

Утро встретило дождём по крыше и тазом, который хозяин действительно выдал бесплатно. Мальчишка унёс табличку с адресом в регистрационный пункт. Арден пересчитал деньги. Тринадцать серебряных. Шесть медных.

– Диагностика будет стоить больше, – сказала она.

– Наверняка.

– Я чувствую себя неудобно перед тобой.

– Мы уже договорились: финансовое недоразумение.

– Долг растёт.

– Все решаемо.

Лавка «Меры и узлы» стояла на границе академического и ремесленного кварталов. Узкий каменный дом, три этажа,

витрина с инструментами и табличка под дверным молотком:

«НЕИЗВЕСТНЫЕ АРТЕФАКТЫ ПРИНИМАЮТСЯ ПОСЛЕ ОЦЕНКИ РИСКА».

Ниже кто-то добавил углём:

«ХОЗЯЙКОЙ».

Дверь открыла женщина лет пятидесяти с коротко остриженными седыми волосами. На носу держалась увеличительная линза, на фартуке темнели пятна масла и прожжённые точки.

– Если из академии, я уже сказала: их распределитель проектировал человек, который ненавидел будущие поколения и не умеет читать.

– Мы не из академии, – сказал Арден.

– Это не упрощает. Что сломали?

Авелин показала диск. Севея перестала щуриться. Линза поднялась на лоб.

– Внутрь.

Дверь закрылась сразу на три замка. Последним мастер опустила в паз медную пластину; по косяку прошёл тусклый зелёный свет.

– Если вещь решит взорваться, – пояснила Севея, – пострадает меньше народу.

– А внутри?

– Внутри буду я. Шанс выжить и не лишиться конечностей

достаточно велик.

Лавка оказалась глубже, чем выглядела с улицы. Столы стояли в два ряда. На них лежали разобранные автоматоны, мерные рамки, амулеты, стеклянные трубки, кольца с выжженной вязью. В дальнем углу гудел высокий металлический шкаф, к которому тянулись медные жилы.

Диск лёг на тёмную ткань.

Севея не коснулась его сразу. Сначала провела над поверхностью тонкой иглой. Потом поднесла мерную пластину. Символы на ней вспыхнули и погасли в неправильном порядке.

– Это не компас.

– Знаю.

– И не обычный маяк. Он не ищет всё вокруг. Он слушает одну привязку и показывает направление, если находит совпадение.

Севея осторожно повернула диск и проверила сапфир с другой стороны.

– Корпус цел. Камень держит заряд. Внутри есть старая привязка, глубокая и замкнутая. Молчит другое – выводящий круг. Цель существует, но стрелка её не слышит.

– Можно восстановить?

– Возможно. Не обычной подпиткой и не заменой пластины. Сначала нужно понять, чем написана внутренняя вязь и где оборван вывод. Состав мне незнаком.

– Сколько времени?

– До завтра на диагностику. Дольше держать без ответа не стану.

– Цена?

– Четыре серебряных. Или работа, если действительно видите вон тот стабилизатор лучше моих учеников.

Арден молча взвесил кошель.

Авелин смотрела не на него.

На дальнем столе лежал раскрытый городской стабилизатор – тяжёлая рамка с тремя кольцами и обгоревшим узлом. Именно от него тянулся слабый, раздражающий перекос.

– У вас обратная связь замкнута на измерительный контур, – сказала она.

Севея медленно повернула голову.

– Что?

– В стабилизаторе. Внешнее кольцо возвращает часть потока в узел измерения. При малой нагрузке ничего не происходит. При высокой устройство начинает усиливать собственную ошибку.

В мастерской стало тихо.

Севея подошла к столу, сняла кожаную перчатку и провела пальцем вдоль обугленной вязи.

– Кто вам это сказал?

– Никто.

– Тогда откуда знаете?

Ответа не было.

Авелин подошла ближе. Линии складывались сами: вход,

распределение, проверка, возврат. Один из путей был слишком коротким и поэтому опасным.

– Здесь должна быть развязка. Не полная. Достаточная, чтобы измерение не становилось частью потока.

Севея подала тонкий мел.

– Покажите.

Линия легла на край стола. Затем вторая. Условие остановки. Отвод. Ограничитель.

Рука замерла.

Дальше память не открывалась.

– Здесь… ещё что-то, – тихо сказала Авелин. – Я не помню.

Мастер смотрела на рисунок долго.

Потом взяла другой мел и добавила короткую дугу.

– Предварительное рассеивание.

Внутри всё отозвалось узнаванием.

– Возможно. Не могу вспомнить.

Севея перевела взгляд с рисунка на Авелин.

В этом взгляде впервые не было ни торговой осторожности, ни раздражения мастера, которому принесли чужую загадку. Только узнавание уровня работы – не человека. Авелин уже видела похожее выражение у Ардена после боя с Кнорхом: уважение, которому мешает вопрос, откуда у незнакомки взялось право на такие умения.

Самой хотелось знать сильнее.

– Диск оставите мне до завтра. Четыре серебряных уже

отдали. Остальное отработаете здесь: после вчерашнего выброса у меня три повреждённых стабилизатора и ни одного ученика, которому я доверила бы тряпку.

– Я не уверена, что смогу.

– Поэтому начнём на бумаге.

Из ящика появился небольшой чистый журнал в серой коже.

– И будете записывать. Каждую линию, изменение и причину. Память – плохое хранилище даже у людей, которые помнят оды и нудные песни.

Авелин взяла книгу.

Пустые страницы пахли бумагой, клеем и возможностью не потерять что-нибудь во второй раз.

– С чего начать?

Севея кивнула на рисунок стабилизатора.

– С даты. Потом – что увидели. Не украшайте. Красота в документации обычно означает, что автор прячет ошибку.

К вечеру первый стабилизатор перестал гудеть на высокой нагрузке.

Работали почти без разговора. Севея называла параметр, Авелин искала связь. Иногда руки уверенно двигались вперёд, иногда замирали над линией, за которой начиналась пустота. Мастер не подсказывала сразу. Ждала. Давала ошибиться на бумаге, где ошибка стоила только мела.

К тому времени серый журнал перестал быть пустым. На первых страницах появились схемы, замечания, два зачёрк-

нутых решения и одно короткое правило, написанное особенно твёрдо: «Если связь кажется лишней, сначала выясни, что случится без неё».

Почерк оказался строгим, слегка наклонённым вправо. Собственный почерк. Ещё одна вещь, которую память не вернула, а рука сохранила.

Стабилизатор не починился окончательно. Но перестал пытаться убить всех вокруг, что Севея признала достаточным успехом для первого дня.

Диск остался в изоляционной раме. Стрелка лежала неподвижно, сапфир не отзывался на гул соседних устройств.

– Завтра скажу, удалось ли прочесть внутренний круг, – сказала Севея. – До тех пор не пытайтесь будить его своей магией.

– Почему?

– Потому что молчащая вещь безопаснее вещи, которую разбудили неправильно.

На улице уже темнело.

Ремесленная дуга закрывалась раньше главного тракта. Кузни ещё работали, окрашивая небо красным, но мелкие лавки гасили фонари. До комендантского часа оставался час.

Арден шёл рядом, не спрашивая о журнале. Это молчание было почти благодарностью. Они свернули в узкий переулок механиков.

Мужчина стоял посреди дороги.

Не вышел из двери. Не отделился от стены. Просто ока-

зался впереди – там, где мгновение назад лежала пустая полоса мокрой мостовой. Будто город сам подвёл его к нужной точке и теперь замер, ожидая продолжения.

Авелин узнала его раньше, чем увидела лицо под капюшоном, – не памятью, телом.

Правое плечо само опустилось на полпальца. Вес ушёл на переднюю часть стоп. Большой палец сдвинул гарду стилета, освобождая клинок. Всё произошло тихо, почти незаметно – но ещё прежде, чем взгляд поднялся к лицу, тело уже знало: опасность.

Не новая.

Знакомая.

Арден тоже остановился. Не потянулся к мечу сразу – сперва посмотрел на окна, на узкие выходы, на расстояние до перекрёстка. Переулок выбрали хорошо: закрытые мастерские, каменные стены, ни одной случайной телеги, способной нарушить расчёт.

Это была не встреча.

Это было назначенное место убийства, о котором жертве забыли сообщить.

– Наконец, – сказал мужчина.

Голос был спокойным, почти вежливым. Так встречают старого знакомого, который сильно задержался, но всё-таки пришёл.

Заряженный слот отозвался мгновенно.

Стрела – простая, привычная, охотничья – сорвалась с ла-

дони прямой невидимой линией. Без слова. Без замаха. Воздух лишь коротко дёрнулся там, где прошёл удар.

Мужчина ждал именно этого.

Под краем рукава уже мерцал бледно-синий фокус. Заклинание было подготовлено заранее; последние слова он произнёс ещё до того, как показался на дороге. Пальцы только замкнули жест.

Ледяной сгусток ударил навстречу Стреле.

На середине улицы вспыхнул белый иней. Воздух хлопнул, пар рванулся в стороны, на камни посыпались крошечные иглы льда. Оба заряда погасли, не достигнув цели.

Мужчина едва заметно наклонил голову.

– Ты всё ещё начинаешь со Стрелы.

Внутри стало холодно. Не от его заклинания. Первый обмен показал главное: расстояние не даст преимущества ни одному.

Фраза преследователя была хуже угрозы. В ней заключалась привычка. Когда-то он уже стоял напротив, видел первый жест, ждал тот же прямой удар. Возможно, не один раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.